

ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

ТОМЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.
1907 — 1908.

(СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТАБЛИЦЪ И ОДНОГО ПОРТРЕТА).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1908.

Воспоминанія илійскаго сибинца о дунганско-таранчинскомъ возстаніи въ 1864—1871 годахъ въ Илійскомъ краѣ.

Посланныя императоромъ Гао-цзунемъ (года правленія Цянь-лунь) китайско-маньчжурскія войска, при содѣйствіи ловкаго интригана Амурсаны, вошли въ Илійскій край (Джунгарію) въ 1755 году и, разбивъ въ томъ же году джунгарскаго князя Даваца, присоединили къ владѣніямъ Богдохана новый богатый край. Для колонизаціи края въ 25 году правленія Цянь-лунь (въ 1760 году) изъ Туркестана было выселено 6,000 таранчей съ семействами; таранчи, прибывъ на новыя мѣста, расселились къ сѣверу и югу отъ р. Или, образовавъ 80 деревень, и занялись хлѣбопашествомъ. Таранчей, кромѣ того, заставили строить крѣпости. Такъ, въ 53 верстахъ отъ нынѣшней русско-китайской границы была выстроена крѣпость Хуй-юань-чэнь, въ которой основалъ свою резиденцію цзянь-цзюнь; здѣсь былъ помѣщенъ гарнизонъ изъ 4.000 маньчжуровъ изъ городовъ Собственнаго Китая. Въ другой сильной крѣпости Баянтаѣ, въ 10 верстахъ отъ г. Кульджи, былъ помѣщенъ гарнизонъ изъ 2,000 маньчжуровъ, переведенныхъ изъ Жэ-хэ. Въ 29 году Цянь-луна (1764 году) съ береговъ Амура и изъ Мукдена были переведены въ Илійскій округъ 1,000 человекъ онкоровъ и дахуровъ, которые стали называться здѣсь солонами, и 1,000 человекъ сибо (маньчжурское поколѣніе)¹⁾. Затѣмъ правительство стало ссылатъ въ Илійскую область китайцевъ, совершившихъ внутри имперіи преступленія. Что касается дунганъ, то они не были переселены силой, а сами добровольно въ разное время стали прибывать въ Илійскій край.

1) По словамъ Ф. В. Муромскаго, сибо считаютъ первоначально своею родиною районъ городовъ Цицикара и Бодунэ въ Маньчжуріи. (Изв. Р. Комит. для изуч. Средн. и Вост. Азіи, № 7, стр. 56). *Вл. К.*

Во время возстанія (въ 60-хъ годахъ минувшаго столѣтїя) ихъ насчитывалось здѣсь около 3,000 человекъ.

Итакъ, благодаря мѣрамъ Дай-цинскаго правительства, край былъ быстро заселенъ маньчжурами, сябинцами, солонами, китайцами и таранчамъ¹⁾. Китайцы представляли крайне негодный элементъ, такъ какъ комплектовались изъ преступниковъ. Господствующее положеніе въ краѣ заняли маньчжурскія знаменныя войска. Сибо и солонны составили особый кадръ войскъ. Получивъ въ свое владѣніе громадныя земельныя угодья, они жили самостоятельно и не были въ тягость таранчамъ, съ которыми сибо даже состояли въ дружбѣ. Зато маньчжуры сѣли на шею таранчамъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ содержать одного маньчжурскаго солдата. Таранчи были непосредственно подчинены маньчжурскому начальству, а не сянь-гуаню (китайскому уѣздному начальнику), какъ теперь.

Такимъ образомъ, съ самого начала таранчи несли на себѣ все тягло и кормили маньчжуровъ, жившихъ въ крѣпостяхъ. Китайцы — ссыльнопоселенцы — также всячески обижали таранчей; они и съ дунганями постоянно ссорились. Чиповники, съ своей стороны, притѣсняли магометанъ и безъ зазрѣнія совѣсти брали взятки. Самъ цзянь-цзюнь Чанъ, при которомъ началось возстаніе, отличался взяточничествомъ, за что таранчи и не называли его иначе, какъ Чанъ — «длинный мѣшокъ».

Всѣ эти обстоятельства имѣли слѣдствіемъ то, что къ половинѣ минувшаго столѣтїя таранчи и дунгане представляли крайне озлобленный противъ маньчжуровъ и китайцевъ элементъ. Распространившееся въ началѣ 60-хъ годовъ по всему Сянь-цзяну дунганское возстаніе нашло въ Илі хорошо подготовленную почву. Не доставало только искры, чтобы и здѣсь вспыхнулъ пожаръ. Такою искрой и послужило нападеніе въ 1864 году ссыльныхъ китайцевъ на дунганъ въ г. Хуй-юань-чэпѣ. Дунгане бѣжали въ г. Кульджу къ таранчамъ, а послѣ того началось общее возстаніе таранчей и дунганъ въ Илійской области.

Звѣзда таранчей ярко заблистала: они уничтожили маньчжуровъ и китайцевъ въ Илійскомъ краѣ, образовали свое ханство и уничтожили затѣмъ въ нѣсколькихъ стычкахъ своихъ прежнихъ союзниковъ — дунганъ.

Интересно, что сами таранчи удивляются теперь, какъ это тогдашніе

¹⁾ Кроме того, здѣсь (въ Боро-тала) были поселены еще чахары, прибывшіе въ составъ китайскихъ войскъ. *Вл. К.*

таранчи могли все это сдѣлать. Одинъ старикъ-таранчинецъ, участвовавшій во всѣхъ битвахъ таранчей съ маньчжурами и китайцами, а именно, таранчинскій аксакалъ при консульствѣ, на мой вопросъ, какъ могли таранчи съ самымъ плохимъ вооруженіемъ брать крѣпости, захватывать артиллерію, — простодушно заявилъ, что «это Богъ далъ». И, обольщенный величіемъ своихъ подвиговъ, этотъ убѣленный сѣдинами таранчинецъ добавлялъ, что тогда 100 китайцевъ не могли ничего подѣлать съ однимъ таранчинцемъ, а всего китайцевъ и маньчжуровъ съ сибю и солонами было около 200,000 человекъ при 150 орудіяхъ, таранчей же и дунганъ вмѣстѣ было не болѣе 10,000 человекъ. Фантазія, конечно, у него разыгралась. А что у таранчей и дунганъ въ ихъ борьбѣ съ маньчжурами не было особенныхъ подвиговъ, и пораженіе китайцевъ и маньчжуровъ было вызвано особыми обстоятельствами, — такъ это видно изъ предлагаемаго мною перевода маньчжурской повѣсти о событіяхъ въ Илійскомъ краѣ въ 1864—71 годахъ.

Какъ мѣстный житель, я заинтересовался вышеуказанными событіями и попросилъ своего учителя, знаменнаго сибинца, прекрасно помнящаго о мятежѣ дунганъ и таранчей въ 1864—71 годахъ¹⁾ и имѣющаго нѣсколько знакомыхъ сибинскихъ стариковъ-свидѣтелей того времени, — написать мнѣ безпристрастно свои воспоминанія о мятежѣ дунганъ и таранчей. Сибинецъ согласился исполнить мою просьбу подъ условіемъ не упоминать его имени и фамиліи. Авторъ поступилъ добросовѣстно, — ничего не приукрасилъ. Напротивъ, онъ сильно упрекаетъ цзянь-цзюня Мина за его бездѣятельность и порицаетъ офицеровъ за ихъ гордость, трусость и совершенную неспособность къ командованію. Воспоминанія свои сибинецъ писалъ спѣшно, а отъ этого въ маньчжурскомъ текстѣ встрѣчаются мѣстами повторенія и уклоненія въ сторону. Въ своемъ переводѣ я раздѣлил всю повѣсть на 13 главъ, помѣстилъ кое-гдѣ мелкія подстрочныя примѣчанія къ тексту. При этомъ все, что было не ясно для меня, авторъ объяснилъ мнѣ при чтеніи съ нимъ текста. Въ общемъ авторъ повѣствовалъ довольно кратко. Въ устной бесѣдѣ онъ рассказываетъ о нѣкоторыхъ событіяхъ гораздо подробнѣе. Но и за написанное спасибо ему! Немногіе маньчжуры и китайцы уцѣляли въ ту несчастную годину, а изъ оставшихся невредимыми уже многіе покончили земные счета. Сибинцевъ-очевидцевъ осталось также немного, — пройдетъ 10—15 лѣтъ, и ихъ не станетъ. Вотъ почему рассказъ сибинца, какъ единственный трудъ на маньчжурскомъ языкѣ о

1) Въ 1864 г. этому сибинцу было 17 лѣтъ.

событіяхъ 1864—1871 г., я думаю, имѣтъ нѣкоторый интересъ, и я рѣшаюсь предложить читателямъ свой переводъ, лѣтъ при этомъ себя надеждой, что критики свисходительно отнесутся къ этой работѣ¹⁾.

А. Дьяковъ.

30-го Декабря 1906 года.

Г. Кульджа.

1) Обстоятельства дунганско-таранчинскаго возстанія 1864—1871 гг. въ Илійскомъ краѣ, вызвавшаго русскую оккупацию этой области, остаются донинѣ недостаточно освѣщенными въ европейской литературѣ. Единственнымъ, повидимому, источникомъ нашихъ свѣдѣній по этому предмету могутъ быть рассказы туземцевъ-очевидцевъ, и донинѣ мы располагали двумя такими рассказами, принадлежащими представителямъ главныхъ враждовавшихъ между собою въ Или народностей — китайцевъ и таранчинцевъ. Первый рассказъ, написанный китайскимъ чиновникомъ Лю-цунь-ханемъ, былъ обнаруженъ въ русскомъ переводѣ покойнымъ профессоромъ В. П. Васильевымъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» («Два китайскія записки о паденіи Кульджи и занятіи ея русскими», 1872, V, стр. 173—161). Извлеченіе изъ этого перевода помѣщено у Г. Е. Грумъ-Гржимайло въ 1 части его «Описанія путешествія въ Западный Китай» (СПБ, 1896, стр. 6—16). Другое повѣствованіе, составленное таранчинскимъ муллою Биаллемъ подъ заглавіемъ: «Китаби-Газатъ деръ мульки Чинт.», было издано Н. Н. Пантусовымъ («Война мусульманъ противъ китайцевъ», вып. I. Казань, 1880) въ одномъ лишь таранчинскомъ текстѣ, безъ перевода, что, конечно служило сильнымъ препятствіемъ для пользованія этимъ трудомъ. Существуетъ однако рукописный переводъ его на русскій языкъ, и этимъ переводомъ пользовался Д. Федоровъ при составленіи своего «Опыта военно-статистическаго описанія Илійскаго края» (Ташкентъ, 1903), гдѣ и помѣстилъ, повидимому, извлеченіе изъ труда Биалля (ч. I, стр. VI и 36—51).

Помѣщаемый здѣсь въ переводѣ рассказъ о тѣхъ же событіяхъ принадлежитъ сибицу, представителю одной изъ тѣхъ многочисленныхъ группъ населенія Илійскаго края, которыя были вовлечены въ китайско-мусульманскую распрю болѣе или менѣе противъ своей воли, при чемъ часть ихъ пострадала весьма сильно. Этотъ трудъ, внося весьма существенныя дополненія въ рассказъ Лю-цунь-ханя о дѣятельности сторонниковъ Дай-цинскаго правительства, даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма интересный матеріалъ для выясненія отношенія къ главнымъ враждовавшимъ сторонамъ прочаго пестраго по своему составу населенія Илійскаго края. Но, конечно, при оцѣнкѣ исторической достовѣрности отдѣльныхъ эпизодовъ необходимо имѣть въ виду, что автору, при возникновеніи описываемыхъ событій, было только 17 лѣтъ, и что съ тѣхъ поръ до времени составленія «Воспоминаній» прошло около 40 лѣтъ.

Представленный А. А. Дьяковымъ переводъ былъ, согласно желанію, выраженному Вост. Отдѣленіемъ (Записки, т. XVII, вып. IV, стр. XXII, XXI и XXXIII), сліченъ мною съ маньчжурскимъ текстомъ, при чемъ, въ виду допущенныхъ переводчикомъ нѣкоторыхъ отступленій отъ этого текста, были сдѣланы, съ согласія переводчика, измѣненія, такъ что печатаемый переводъ нынѣ соответствуетъ своему оригиналу. Кромѣ того, мною для ясности сдѣланы небольшія примѣчанія, обозначенныя моими инициалами; прочія примѣчанія принадлежатъ переводчику. Имъ же вставлены, для поясненія, слова, помѣщенные въ текстѣ перевода въ скобкахъ.

Вл. Котвичъ.

СОДЕРЖАНІЕ «ВОСПОМИНАНІЙ».

Глава I.

Событія, предшествовавшія возстанію дунганъ и таранчей въ Илійскомъ краѣ.

Глава II.

Начало возстанія дунганъ и таранчей въ Илійскомъ краѣ.

Глава III.

Первая битва войскъ Илійскаго цзянь-цзюня съ бунтовщиками и осада послѣдними маньчжурской крѣпости Баянтай.

Глава IV.

Паденіе Баянтая и мелкія стычки маньчжуровъ, солоновъ, сибинцевъ и китайцевъ съ дунганами и таранчами. Гибель Суйдинскаго китайскаго артиллерійскаго отряда.

Глава V.

Осада бунтовщиками города Суйдина и единственное за все время войны славное дѣло сибинскаго отряда подъ начальствомъ ротнаго командира Ургуна.

Глава VI.

Калмыки идутъ на помощь къ цзянь-цзюню, но изъ-за коварства чиновниковъ послѣдняго уходятъ обратно. Битва маньчжурско-китайскихъ войскъ съ дунганами и таранчами.

Глава VII.

Экспедиція таранчинскаго войска подъ командою Эмиръ-ханъ-ходжи къ югу отъ р. Или и договоръ таранчей съ 8 сибинскими ротами.

Глава VIII.

Договоръ Эмиръ-ханъ-ходжи съ солонскими ротами.

Глава IX.

Осада и взятіе магометанами г. Хуй-юань-чэна.

Глава X.

Взятіе дунганами и таранчами прочихъ китайскихъ городовъ въ Илійскомъ краѣ и разгромъ ими 4-хъ солонскихъ ротъ.

Глава XI.

Междоусобная война таранчей и дунганъ въ Илійскомъ краѣ.

Глава XII.

Отношеніе таранчей къ 8 сибирскимъ ротамъ.

Глава XIII.

Оккупация русскими войсками Илійскаго края.

* * *

(Переводъ съ маньчжурскаго).

I.

Въ 3-мъ году правленія Тунъ-чжи (въ 1864 году) пламя дунганскаго возстанія широко распространилось въ Притяньшаньскомъ краѣ. Возстаніе началось въ городахъ Кучѣ и Акеу, которые въ виду отсутствія въ нихъ гарнизона были безъ всякаго труда (въ одинъ день) заняты мятежниками. Затѣмъ послѣдніе завладѣли Гучэномъ, Урумчи и Манасомъ и уничтожили всѣ китайскіе посты по дорогѣ изъ Гучэна въ Урумчи и отъ Урумчи до Манаса. Овладѣвъ послѣднимъ, дунгане продвинулись далѣе по дорогѣ въ Илійскій край и заняли китайскій постъ въ Аньцзяхаѣ. Въ то время въ Гучэнѣ и Урумчи было по два гарнизона: китайскій и маньчжурскій, въ Манасѣ — только китайскій. Илійскіе дунгане и таранчи внимательно слѣдили за успѣхами возставшихъ.

Первыми выказали враждебное настроеніе илійскіе дунгане, жившіе въ Хара-усу¹⁾. Китайцы, пахавшіе тамъ землю, должны были укрыться въ крѣпости, которую занималъ китайскій гарнизонъ подъ начальствомъ мѣнь-амбана²⁾.

Илійскій цзянь-цзюнь Чапъ, узнавъ о критическомъ положеніи хараусунскаго гарнизона, снарядилъ на помощь ему войско. Въ составъ колонны вошли 3.000 человекъ кавалеріи, набранной изъ сябо, ѳлотовъ и чахаръ, 2.000 китайской пѣхоты и 3.000 особыхъ пѣхотинцевъ, набранныхъ изъ китайцевъ, сосланныхъ изъ внутреннихъ провинцій Китая въ Илійскій край за преступленія. А такъ какъ борьба съ бунтовщиками ставилась въ заслугу ссыльнымъ китайцамъ, то къ этой 8,000 толпѣ добровольно присоединились еще 3,000 ссыльныхъ китайцевъ, движимыхъ желаніемъ, при удачномъ исходѣ операцій войска, ограбить дунганское населеніе. Командованіе этой колонной цзянь-цзюнь поручилъ ѳлотскому мѣнь-

1) Хара-усу (по-китайски Лао-чэнъ)—названіе мѣстности и города въ 4 дняхъ конной ѳзды отъ г. Хуй-юанъ-чюна, если ѣхать черезъ хребетъ Борбосунъ, и въ 370 ли отъ Манаса. Возлѣ горъ къ югу отъ Хара-усу въ описываемое время кочевали и теперь кочуютъ торгуты, подчиненные китайскому правительству. Когда таранчи образовали въ Илійскомъ краѣ свое владѣніе, эти торгуты подчинились таранчинскому султану.

2) Мѣнь-амбанъ—начальникъ отдѣльнаго отряда войскъ. Всѣ мѣнь-амбаны (ѳлотскій, чахарскій, сибирскій и солонскій) назначаются правительствомъ исключительно изъ маньчжуровъ.

амбану, который выступил из г. Хуй-юань-чэна ¹⁾ в началѣ седьмой луны 3-го года Тунъ-чжи (въ 1864 году). вмѣстѣ съ войскомъ отправились и 4 мусульманскихъ муллы, которые, по распоряженію цзянъ-цзюня, должны были увѣщевать бунтовщиковъ; примѣненіе же оружія должно было явиться крайнимъ средствомъ.

Илійское войско, подойдя къ хара-усунской крѣпости, расположилось лагеремъ внѣ ея, съ сѣверной стороны. На другой день были высланы для переговоровъ съ дунганами четыре илійскихъ муллы, но магометане сдаваться не хотѣли. Такъ прошло нѣсколько дней. Дунгане въ это время заперлись со своими семьями въ мечети, находившейся на базарѣ внѣ сѣверныхъ воротъ города ²⁾. Мечеть была окружена толстой глинобитной стѣной, и войско въ теченіе 2 дней не могло ворваться внутрь ограды. На третій день илійское войско продвинуло къ воротамъ ограды пушку, удачный выстрѣлъ изъ которой привелъ въ страхъ мусульманъ. Дунгане, видя свое отчаянное положеніе, подожгли мечеть, въ которой были ихъ жены и дѣти, а сами намѣревались бѣжать. Но вдругъ съ запада надвинулась черная туча, полилъ сильнѣйшій дождь, который погасилъ распространявшійся уже огонь. Осаждавшіе въ дождь на приступъ не пошли, и мэнь-амбанъ отвелъ войско въ лагерь. Когда, на другой день, солдаты были уже готовы выступить на рѣшительную атаку, отъ дунганъ вдругъ пришли 4—5 муллъ и принесли грамоту съ изъявленіемъ покорности. Командующій войсками обратился къ нимъ съ рѣчью, обѣщавъ отъ имени цзянъ-цзюня простить ихъ, если они чистосердечно раскаются и покорятся, и приказалъ имъ сдать въ теченіе 3 дней оружіе. Выслушавъ приказаніе, муллы удалились, а мэнь-амбанъ, считая мятежъ оконченнымъ, приказалъ своимъ солдатамъ, выходявшимъ изъ лагеря за фуражемъ или по другимъ дѣламъ, не брать съ собой оружія.

Это было время уборки хлѣба (конецъ 7-й луны). Хлѣбъ былъ снятъ, но не успѣли китайцы убрать его съ полей, какъ дунгане заволновались, и китайцы-пахари укрылись въ крѣпости, гдѣ мѣстный мэнь-амбанъ раздавалъ имъ запасный хлѣбъ. Для (вновь прибывшаго) илійскаго войска не хватило этого хлѣба, и оно вынуждено было само собирать хлѣбъ съ полей и такимъ образомъ питаться.

1) Подъ этимъ Хуй-юань-чэномъ разумѣется старый Хуй-юань-чэнь (теперь есть новый городъ того же названія), разрушенный дунганами и таранчами, — отстоящій въ 40 верстахъ къ западу отъ г. Кульджи и расположенный на берегу р. Или.

2) Дунгане жили въ особомъ кварталѣ, внѣ крѣпости. Во время сраженія съ дунганами гарнизонъ крѣпости помогалъ илійскому войску. Но послѣ неудачныхъ операцій этого войска, заставившихъ его возвратиться въ Илійскій край, крѣпость была взята дунганами, и гарнизонъ ея былъ вырѣзанъ ими.

Въ это время разнеслась вѣсть, что изъ Манаса и Урумчи идутъ на помощь къ хара-усунскимъ дунганамъ ихъ собратья. Поджидая ихъ, хара-усунскіе дунгане подъ разными предлогами не сдавали своего оружія, но китайскіе начальники не понимали (въ чемъ дѣло).

Впрочемъ, илійскій мѣнцъ-амбанъ для защиты своего войска выставилъ заслонъ, пославъ въ Аньцзихай¹⁾ 300 человекъ кавалеріи и 1,000 пѣхоты изъ китайцевъ—ссылно-поселенцевъ. Этотъ авангардъ, не доходя Аньцзихая, остановился на открытомъ мѣстѣ, не принявъ никакихъ мѣръ предосторожности. На разсвѣтѣ дунгане изъ Манаса и Аньцзихая тихо вошли въ китайскій лагерь подъ Аньцзихаемъ и стали убивать спящихъ китайцевъ. Хотя кавалеристы успѣли вскочить на коней, но только сильные кони донесли нѣкоторыхъ до главнаго илійскаго отряда, имѣвшіе же худыхъ лошадей были наступнуты дунганями и убиты; были убиты также поголовно и всѣ пѣшіе китайцы.

Расположившееся подъ Хара-усу лагеремъ илійское войско съ тревогою поджидало манасскихъ дунганъ, которые на третій день послѣ прибытія въ Хара-усу китайцевъ, бѣжавшихъ изъ Аньцзихая, явились и напали на илійское войско, при чемъ успѣли взять въ плѣнъ многихъ солдатъ. Однако хотя сражались цѣлый день, но ни та ни другая сторона не одержала побѣды. А потому отряды илійскаго войска вечеромъ возвратились въ лагерь подъ Хара-усу, не будучи преслѣдуемы дунганями. Но такъ какъ хлѣбъ илійскому войску не былъ доставленъ, то оно, очутившись въ критическомъ положеніи, тою же ночью бѣжало обратно въ Или. Первыми бѣжали изъ лагеря китайцы. Офицеры, не будучи въ состояніи остановить бѣгущихъ солдатъ, сами послѣдовали ихъ примѣру. Китайцы, сибо, блѣты и чахары²⁾ отдѣльными группами прибывали въ Илійскій край. Почти всѣ сначала скрывались, кто гдѣ могъ, боясь гнѣва цзянь-цзюня. Позднѣе всѣхъ явились къ нему командиры отдѣльныхъ отрядовъ.

Что касается сибо, жившихъ къ югу отъ р. Или, то они, надѣясь на нейтралитетъ таранчей, пошли кратчайшей дорогой черезъ ущелье Борбосунъ³⁾, но почти всѣ были убиты таранчами, жившими въ многочисленныхъ селеніяхъ къ востоку отъ г. Кульджи.

1) Станція Аньцзихай находится въ 210 ли къ востоку отъ Хара-усу — по дорогѣ въ Манасъ, отъ котораго отстоитъ въ 160 ли. (Цифры эти не вполне соответствуютъ картамъ. Вл. К.).

2) Торгуты, помогавшіе илійскому войску отрядамъ въ 300 человекъ, также бѣжали отъ дунганъ въ свои кочевья.

3) Ущелье Борбосунъ (у Грумъ-Гржимайло, *op. cit.*, стр. 33,—переваль Борбосунъ или Цитерты. Вл. К.) находится въ разстояніи одного дня ѣзды отъ г. Кульджи. Узкая дорога, пролегающая черезъ это ущелье, ведетъ изъ г. Кульджи черезъ хребетъ Борбосунъ въ Цинъ-хэ — станцію, лежащую на большой дорогѣ Манасъ-Урумчи, по которой и бѣжало илійское войско изъ-подъ Хара-усу.

Послѣ этого и среди магометанъ, жившихъ въ илійскихъ городахъ: Хуй-юань-чэнѣ, Суйдинѣ, Кульджѣ и многочисленныхъ селахъ, началось броженіе. Въ это время пекинское правительство отрѣшило цзянь-цзюня Чапа отъ должности, назначивъ на его мѣсто тарбагатайскаго хэбэй-амбаня ¹⁾ Минна ²⁾).

10-го числа 10-й луны 3-го года Тунъ-чжи (въ 1864 г.) хуй-юань-чэнскіе дунгане пригласили цзянь-цзюня, хэбэй-амбаня и мэнь-амбаней на обѣдъ. Большинство боялось и не хотѣло ѣхать на обѣдъ. Но цзянь-цзюнь, сказавъ, что своимъ отказомъ сановники выкажутъ трусость и только подольютъ масла въ огонь, велѣлъ всѣмъ званымъ отправиться на дунганскій обѣдъ, устроенный въ мечети. Послѣ окончанія обѣда старшій ахунъ обратился къ цзянь-цзюню съ рѣчью, сказавъ, между прочимъ, слѣдующее: «Мы, мусульмане, въ теченіе 100 лѣтъ были вѣрнопопданными маньчжурскаго государя. Просимъ васъ, цзянь-цзюнь, взять нынѣ насъ подъ свою защиту, такъ какъ ссыльные китайцы, всегда презиравшіе насъ, теперь оттачиваютъ въ своемъ храмѣ копья и говорятъ, что «высосутъ нашу кровь». Цзянь-цзюнь успокаивалъ дунганъ, говоря, что китайцы, по его порученію, оттачиваютъ на камнѣ желѣзныя монеты, отлитыя велѣдствіе отсутствія мѣдныхъ денегъ въ Илійскомъ краѣ, и что они никакихъ злыхъ замысловъ по отношенію къ дунганамъ не питаютъ. Но какъ бы то ни было, дунгане обнаружили признаки враждебнаго настроенія, а потому цзянь-цзюнь и амбани, выйдя изъ дунганской мечети, скорѣе сѣли въ свои телѣжки и помчались въ крѣпость.

II.

За сѣверными воротами г. Хуй-юань-чэна былъ расположенъ базаръ, гдѣ жили дунгане и ссыльные китайцы. Спустя два дня послѣ вышеописаннаго обѣда возникла ссора между дунганями и китайцами. Дунгане вскочили на коней, вооружившись кошками; поднялась страшная суматоха. Цзянь-цзюнь и амбани, услышавъ шумъ, вышли на крѣпостныя стѣны, къ которымъ приблизились дунгане— старики, юноши, женщины и дѣти, стали на колѣна и съ плачемъ просили защиты. Цзянь-цзюнь спросилъ о причинѣ волненія. Вооруженные кошками дунганскіе всадники сказали, что у нихъ вовсе нѣтъ злого намѣренія, а прибѣгли они къ оружію единственно для защиты самихъ себя отъ китайцевъ, грозившихъ будто бы ихъ убить.

1) Хэбэй-амбань — «совѣтникъ» цзянь-цзюня.

2) По словамъ Лю-цунь-ханя, цзянь-цзюнь Чанъ получилъ приказаніе сдать должность Минну только 26 числа 11 луны. (Вл. К.).

Тогда цзянь-цзюнь позволилъ дунганамъ укрыться въ крѣпости. Дунгане слѣзли съ лошадей и, ведя ихъ за поводъ, пошли въ крѣпость.

Но въ это время ссыльные китайцы, жившіе вмѣстѣ съ дунганями на базарѣ, погнались за ними съ сѣверной стороны и убили многихъ дунганъ въ воротахъ крѣпости; оставшіеся въ живыхъ дунгане, вскочивъ на коней, успѣли скрыться. Напавшіе китайцы не щадили и стоявшихъ у стѣнъ крѣпости на колѣняхъ дунганскихъ стариковъ, женщинъ и дѣтей. Послѣ этого событія и началось возстаніе дунганъ и таранчей въ Илійскомъ краѣ.

Всѣ дунгане еще ранѣе условились между собою, чтобы 24 числа 10-й луны хуй-юань-чэнскіе дунгане первые подняли возстаніе, а прочіе мусульмане послѣдовали за ними.

Ссыльные китайцы, узнавъ о готовящемся бунтѣ, не повѣрили честотѣ намѣреній дунганъ, стоявшихъ вооруженными подъ крѣпостью и просившихъ у цзянь-цзюня позволенія укрыться за стѣнами крѣпости, а потому рѣшили тотчасъ же покончить съ коварными дунганями и тѣмъ подавить возстаніе въ самомъ началѣ. Но китайцы не успѣли въ то время (12 числа 10-й луны) убить всѣхъ хуй-юань-чэнскихъ дунганъ, а только ускорили (надвигавшіяся кровавыя событія).

Ночью того же числа дунгане-пахари, жившіе около ламайской кумирни, убили всѣхъ ламъ, но хамбо-лама¹⁾ успѣлъ бѣжать за р. Или къ сибицамъ.

Тюю же ночью (т. е. съ 12-го на 13-е) вспыхнуло возстаніе и въ Кульдждѣ; проживавшіе тамъ китайскіе торговцы были перебиты.

Бѣдные таранчи всѣ перешли на сторону повстанцевъ, только знатные таранчи держались еще нейтралитета.

Между прочимъ, таранчинскій акимъ-бекъ²⁾, по имени Майсемсать, родомъ изъ Турфана, и другіе сначала не примкнули къ бунтовщикамъ. Акимъ-беку выгодно было оставаться вѣрнымъ китайскому правительству, такъ какъ оно его возвысило, поставивъ начальникомъ надъ всѣми таранчами и назначивъ ему 2,000 ланъ въ годъ жалованья. Въ ночь общаго возстанія Майсемсать³⁾ находился по дѣламъ въ городѣ цзянь-цзюня (т. е. въ Хуй-юань-чэнѣ).

13-го числа 10-й луны цзянь-цзюнь стянулъ изъ разныхъ мѣстъ къ Хуй-юань-чэну войска, которыя вмѣстѣ съ ссыльными китайцами осадилъ

1) Настоятель буддійскаго монастыря.

2) Акимъ-бекъ или хакимъ-бекъ — въ родѣ уѣзднаго начальника.

3) Федоровъ (op. cit., p. 36), повидимому, со словъ муллы Биляля, говоритъ, что тогдашній хакимъ-бекъ назывался Муземъ-ханъ, и что онъ въ то время былъ смѣщенъ цзянь-цзюнемъ и насильно задержанъ въ маньчжурской Кульдждѣ, т. е. въ Хуй-юань-чэнѣ. (Вл. К.).

дунганскій кварталъ и послѣ 3-дневной осады выгнали дунганъ съ базара. Нѣкоторые дунгане успѣли захватить своихъ женъ и дѣтей, а не могшіе этого сдѣлать перебили сами свои семьи. Всѣ дунгане бѣжали въ г. Кульджу. Цзянь-цзюнь остановилъ преслѣдовавшее дунганъ войско, запретивъ убивать дунганъ и грабить опустѣвшій дунганскій кварталъ.

Въ то время сибирскимъ ухэридою былъ Дэхэду, жившій въ 4-й «виру»¹⁾. Въ день возстанія, т. е. 12-го числа 10-й луны, цзянь-цзюнь приказалъ ему взять сибинцевъ, перейти р. Или и занять ламайскую кумирню (духовенство которой, какъ сказано выше, было перебито дунганами). 16-го числа 10-й луны ухэрида съ нѣсколькими сотнями сябо перешелъ черезъ р. Или и приблизился къ ламайской обители. Въ это время туда же подошли и дунгане, бѣжавшіе изъ Хуй-юань-чэна по направленію къ Кульдждѣ. Ухэрида, опасаясь напраснаго избіенія безоружныхъ сибинцевъ, пришедшихъ въ большомъ числѣ съ сибирскимъ отрядомъ для грабежа монашескаго имущества, послалъ къ дунганамъ одного сибинца и просилъ ахуна придти для переговоровъ. Ахунъ пришелъ и ухэрида чествовалъ его поднесеніемъ кубышки съ нюхательнымъ табакомъ. Ахунъ заявилъ ему, что дунгане взбунтовались, не будучи болѣе въ состояніи выносить притѣсненій, которымъ подвергали ихъ маньчжуръ и китайцы. При этомъ ахунъ добавлялъ, что дунгане не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не перебыютъ въ Илійскомъ краѣ всѣхъ китайцевъ и маньчжуровъ, а ихъ, сибинцевъ, дунгане не тронуть. Ухэрида тогда просилъ дунганъ не переходить черезъ рѣку Или во время ея мелководья или зимой по льду и не нападать на 7 и 5 роты, которыя были совершенно беззащитны, такъ какъ были расположены на пязкомъ мѣстѣ около рѣки и не были окружены стѣной. Дунгане поклялись, что они не нападутъ на сибирскія роты, и обѣ стороны мирно разошлись.

Ухэрида сильно беспокоился за свой договоръ съ дунганами. И дѣйствительно, какой-то негодяй донесъ цзянь-цзюню, что ухэрида Дэ²⁾ велъ какіе-то переговоры съ бунтовщикамп. Цзянь-цзюнь немедленно вызвалъ въ г. Хуй-юань-чэнь ухэриду и арестовалъ его. Также арестовали одного конвойнаго ухэриды и потребовали отъ него показанія, о чемъ ухэрида договаривался съ ворами³⁾. Но этотъ человекъ рѣшительно отказался оклеветать

1) Сибинцы дѣлятся на 8 виру («рота», «сотня»), во главѣ которыхъ стоятъ ротные командиры. Всѣ роты подчинены одному ухэридѣ (буквально, «общему начальнику», Вл. К.), проживающему среди сибинцевъ и зависящему отъ сибирскаго мэнь-амбана, который состоитъ при цзянь-цзюнѣ.

2) По маньчжурскому обычаю произносится только начальный слогъ имени, а не все имя.

3) Такъ авторъ, слѣдуя примѣру китайцевъ, называетъ взбунтовавшихся дунганъ и таранчей.

татъ своего начальника. Тогда, по распоряженію цзянь-цзюня, вызвали пзъ 4-й «виру» (роты), изъ которой происходилъ ухэрида, 3 стариковъ и старшаго брата ухэриды. Подвергнувъ этихъ лицъ жестокой пыткѣ, добились отъ нихъ показанія, что ухэрида дѣйствительно измѣнилъ.

Въ концѣ концовъ конвойный ухэриды также подтвердилъ слова этихъ 4-хъ человѣкъ, и тогда ухэриду Дэ заключили въ тюрьму, назначивъ на его мѣсто другого человѣка.

III.

25-го числа 10-й луны третьяго года правленія Тунъ-чжи (въ 1864 году) хуй-юань-чэнскіе маньчжурь совместно съ сибинцами, солонами и китайскимъ артиллерійскимъ отрядомъ, стоявшимъ въ суйдинской крѣпости¹⁾, выступили изъ города Хуй-юань-чэна и пошли по направленію къ крѣпости Баянтай²⁾. На половинѣ дороги отъ г. Хуй-юань-чэна до крѣпости Баянтай соединенное войско встрѣтило бунтовщиковъ-дунганъ и таранчей. Во главѣ войска стояли бездушные и гордые начальники, которымъ не было никакого дѣла до своихъ солдатъ. Самъ цзянь-цзюнь не считалъ нужнымъ командовать войскомъ и остался въ городѣ.

Мусульмане, одушевленные чувствомъ мести, отчаянно напали на стоявшихъ въ центрѣ маньчжуровъ, уже совершенно потерявшихъ всякую воинственность въ теченіе столѣтняго безпечнаго сидѣнія въ городѣ. Соединенному войску не помогла и артиллерія китайцевъ. Маньчжурь и китайцы были разбиты; ихъ офицеры первые бросили поле сраженія, послѣ чего всѣ отдѣльными группами бѣжали обратно въ г. Хуй-юань-чэнь, бросивъ въ добычу бунтовщикамъ пушки³⁾, ружья, порохъ и холодное оружіе, чѣмъ и усилили бунтовщиковъ.

Что касается сибинцевъ и солонувъ, то они (сначала) непоколебимо стояли на флангахъ. Хотя бунтовщики къ нимъ и не подходили близко, но они (сибо и солонь), боясь, какъ бы мусульмане, бросившіеся преслѣдовать

1) Г. Суйдинъ, въ коемъ теперь имѣется китайская крѣпость и «лу-инъ» подъ командою чжэнь-тая и живетъ начальникъ области (чжи-фу), отстоитъ отъ г. Кульджи въ 50 верстахъ. До войны въ немъ также стоялъ полкъ зеленого знамени (лу-инъ).

2) Баянтай — это громадная крѣпость, верстъ пять въ окружности, разрушенная дунганями и таранчами. Баянтай находится въ девяти верстахъ отъ г. Кульджи, поплѣ дороги въ г. Суйдинъ.

3) Пушки принадлежали китайскому отряду изъ г. Суйдина. Китайцы 25-го числа X-й луны оставили мусульманамъ 3—4 большихъ пушки съ лафетами и 20 малыхъ пушекъ. Тогдашняя китайская артиллерія состояла изъ пушекъ двухъ родовъ: большія чугунныя пушки ставились на лафеты, маленькія пушки клались во время сраженія на плечи двухъ солдатъ, при чемъ сзади становился третій, который и зажигалъ фитиль; въ рядъ устанавливалось пять такихъ пушекъ.

маньчжуровъ и китайцевъ, не зашли имъ въ тылъ, — тоже бросили свои позиціи и бѣжали въ г. Хуй-юань-чэну.

Въ этой битвѣ таранчи были вооружены только палками съ желѣзными наконечниками, а у дунганъ были длинныя палки съ привязанными къ концамъ пожницами для стрижки барановъ.

Послѣ такого успѣха и державшіеся нейтралитета богатые и знатные таранчи примкнули къ повстанцамъ, которые того же 25 числа также завладѣли крѣпостцей въ 8 ли отъ г. Кульджи — Чэнь-пань-цзы, гдѣ жило 250 китайскихъ солдатъ, въ томъ числѣ и артиллеристы, при нѣсколькихъ орудіяхъ¹⁾.

Вечеромъ того же дня таранчи и дунгане большою толпой, около 10,000 человекъ, подошли къ маньчжурской крѣпости Баянтай и окружили ее. Главнокомандующимъ надъ всѣми таранчами былъ кульджинскій таранчинецъ Абдурасулъ Чорукъ, ему помогалъ «халпе»²⁾ Шамс-эддинъ Худай-Кулиновъ, командовавшій таранчинскимъ отрядомъ изъ восьми деревень. Потомъ прибылъ изъ Ташкента сартъ Эмиръ-ханъ-ходжа, который также много помогалъ таранчамъ. Всѣми дунганями командовалъ дунганинъ Ма-и, называвшійся по-таранчински Ягуръ. Дунганамъ особенно помогалъ дунганинъ Хавджа-ахувъ, отличавшійся изобрѣтательностью и геройствомъ. Таранчи и дунгане, вооруженные деревянными палками и ружьями, подойдя къ Баянтаю, плотно окружили его. Мусульмане, воздвигнувъ къ югу отъ крѣпости три земляныхъ насыпи, поставили на нихъ пушки на лафетахъ, отнятыя ими у суйдинскихъ китайцевъ въ большомъ сраженіи 25-го числа 10-й луны. Таранчи подъ угрозой смерти заставили чэньпаньцзыгскихъ китайскихъ артиллеристовъ стрѣлять по крѣпости, сшибая зубцы ея; изъ крѣпости маньчжуры отвѣчали огнемъ изъ большихъ пушекъ. Канонада раздавалась особенно сильно по утрамъ и вечерамъ. Звукъ выстрѣловъ доносился до сибирскихъ ротъ и я (авторъ этихъ воспоминаній) самъ лично слышалъ его.

На выручку Баянтая цзянь-цзюнь рѣшилъ послать 27-го числа XI-й луны войско, составленное изъ маньчжуровъ, сибо, солоновъ, чахаръ, киргизовъ и калмыковъ.

Что касается послѣднихъ, то они кочевали къ югу отъ горъ, расположенныхъ по лѣвому берегу р. Ил. А такъ какъ на пути къ калмыкамъ, къ югу отъ сибирскихъ ротъ, находилась таранчинскія селенія, то передача калмыкамъ приказа отъ цзянь-цзюня и посылка ими вспомогатель-

1) Авторъ сообщилъ мнѣ, что въ Чэнь-пань-цзы тогда было около 5—10 маленькихъ пушекъ.

2) Собственно «хальфа» — глава религіознаго (дервишскаго) ордена у мусульманъ.

наго отряда къ Хуй-юань-чэну представляли рискованное предпріятіе. На совѣтѣ у цзянь-цзюня было рѣшено послать къ калмыкамъ 40 сибинскихъ конныхъ солдатъ, подъ начальствомъ маньчжурскаго ротнаго командира и его помощника, 2 сибинскихъ чиновниковъ («фундэ бошоку» и «араха хафань»¹⁾), 7 калмыковъ изъ числа жившихъ въ сибинскихъ земляхъ и двухъ переводчиковъ съ сибинскаго языка на калмыцкій, сибинцевъ—Мэршана и Ланго. Всего набралось 53 человекъ. Этому отряду было приказано пройти со всеми предосторожностями мимо таранчинскихъ селъ и привести съ собой калмыковъ. Отрядъ прошелъ черезъ Хопохойское ущелье, но не могъ разыскать калмыковъ, а потому черезъ 7 дней отправился въ обратный путь. Но оказалось, что таранчинцы изъ селенія Кальджатъ²⁾, изъ 5 селъ, расположенныхъ въ Хонохоѣ, и 2-хъ — въ Боро, занявъ ущелье, преградили дорогу отряду. Но начальникъ надъ 12 таранчинскими селеніями къ югу отъ сибинскихъ ротъ, шанбекъ Тогулакъ³⁾, жившій въ Кальджатѣ, приказалъ таранчамъ пропустить этотъ отрядъ, тѣмъ болѣе, что сибинцы были хорошо вооружены, — у всѣхъ были луки, а у нѣкоторыхъ и ружья⁴⁾, таранчи же были вооружены только дубинами и большинство ихъ были пѣшіе, такъ какъ другая, большая, часть таранчей на лучшихъ лошадяхъ отправилась къ сѣверу отъ р. Или сражаться съ войсками цзянь-цзюня. Стычка съ сибо могла окончиться для таранчей плохо, и потому они обратились къ сибо съ коварными словами: «Мы съ вами добрые сосѣди и никогда не сдѣлаемъ вамъ зла. Теперь переночуйте у насъ; къ тому же отвезите отъ насъ къ вашему цзянь-цзюню бумагу. Вы не бойтесь, — мы худого вамъ не сдѣлаемъ». Отрядъ не хотѣлъ вѣрить таранчамъ. Но переводчикъ Мэршанъ сумѣлъ побѣдить всѣ сомнѣнія своихъ товарищей, говоря, что онъ и Тогулакъ — большія друзья, и что всѣ сибинцы могутъ спокойно переночевать у таранчей, а на слѣдующій день отправляться далѣе; если же встрѣтятъ препятствіе, то проложить себѣ путь съ оружіемъ въ рукахъ.

Тогда сибо, 2 маньчжура и калмыки слѣзли съ лошадей; таранчи подошли и стали здороваться съ сибинцами, съ которыми многіе были знакомы.

1) Этотъ «араха хафань», какъ передавалъ мнѣ авторъ Воспоминаній, былъ самый младшій братъ дѣдушки автора. Последній хорошо помнитъ тотъ вечеръ, когда эти 2 сибинскихъ чиновника и маньчжурскаго ротнаго командира съ помощникомъ, передъ отъѣздомъ къ калмыкамъ, собрались въ домъ отца автора записокъ, въ 3-й сибинской ротѣ.

2) Нынѣ Кальджатъ находится въ русскихъ предѣлахъ, возлѣ границы.

3) Сынъ этого шанбека, тоже Тогулакъ, — русскоподданный и живетъ въ Кальджатѣ, — извѣстный богачъ.

4) Тогда у сибинцевъ, какъ сообщаетъ авторъ записокъ, были ружья, выстрѣлъ изъ которыхъ происходилъ отъ медленно тлѣющаго фитиля; запасъ послѣдняго всегда находился у стрѣлка въ коробочкѣ, привѣшенной къ поясу.

Благодаря тому, что сибинцы и таранчи были сосѣдями, совмѣстно пахали землю и вообще издавна находились между собою въ хорошихъ отношеніяхъ, много таранчей нанимались работниками къ сибинцамъ. Этимъ и объясняется довѣрчивость послѣднихъ. Но какъ только солдаты сложили свое оружіе, таранчи захватили его и дубинами перебили всѣхъ; успѣлъ бѣжать только одинъ молодой калмыкъ.

Не убитаго переводчика Мэршана таранчи хотѣли обратить въ магометанство и обречь ему голову. Но Мэршанъ отказался, заявивъ, что онъ не можетъ одинъ жить, когда убиты, по его винѣ, всѣ его товарищи. Тогулакъ отвѣтилъ Мэршану: «Что касается меня, то я не желалъ убивать сибинцевъ. На это была воля Божія. Ты же долженъ все-таки сбрить волосы на головѣ». Мэршанъ отвѣтилъ: «Развѣ можетъ баранъ сдѣлаться свиньей?» Тогда таранчи, стоявшіе за спиной Тогулака, который сидѣлъ рядомъ съ Мэршаномъ, ударили Мэршана дубиной по головѣ и раскроили ему черепъ. Трупы всѣхъ убитыхъ были брошены въ степь. Подробности объ этомъ событіи рассказали впоследствии сами таранчи.

Къ 27-му XI-й луны въ Хуй-юань-чэнъ были собраны чахары и нѣсколько сотенъ киргизовъ. Чахары жили въ Боро-тала¹⁾, на пути къ нимъ не было таранчинскихъ сель, а потому чахаръ и удалось призвать на помощь.

Затѣмъ цзянь-цзюнь взялъ 500 сибинскихъ телѣгъ (арбъ) и отдалъ ихъ подъ охрану 500 вольнымъ (не военнымъ) сибинцамъ, бѣжавшимъ съ поля сраженія при Хара-усу, — съ тѣмъ, чтобы днемъ на этихъ телѣгахъ везти пищу, ночью же дѣлать изъ нихъ баррикады. Но эта затѣя цзянь-цзюня не удалась, такъ какъ въ томъ году снѣгъ былъ очень глубокъ и телѣги едва только тащились по дорогѣ, ставить же ихъ въ сторонѣ отъ дороги и, вообще, тамъ, гдѣ было нужно, чтобы дѣлать баррикады, не было возможности.

Собранные цзянь-цзюнемъ 10,000 всадниковъ и нѣсколько тысячъ пѣхоты 27 числа XI-й луны выступили изъ Хуй-юань-чэна, направляясь къ Баянтаю. Самъ цзянь-цзюнь отдалъ приказъ непременно помочь Баянтаю, но самъ опять не вышелъ съ войскомъ. Командовали же войскомъ трупы. Слѣдуя позади войска, они лишь дрожали, и весь походъ носилъ характеръ дѣтской забавы. Какъ же при такихъ условіяхъ побѣдить!

Войска еще не были приведены въ боевой порядокъ, какъ многочисленная толпа дунганъ и, въ особенности, таранчей ринулась на нихъ.

1) Боро-тала, что значить «Боройская долина», находится къ югу отъ хребта Ала-тау и къ сѣверу и сѣверо-западу отъ хребта Боро-Хоро; по этой долинѣ протекаетъ рѣка «Боро-тала», впадающая въ озеро Эби-норъ.

Въ самомъ же началѣ сраженія обратились въ бѣгство чахары и киргизы¹⁾. Бѣжали также съ поля битвы и всѣ командиры изъ маньчжуровъ. Послѣ непродолжительной перестрѣлки маньчжуры и китайцы были крайне стѣснены. Таранчи ворвались въ ихъ ряды и кололи ихъ нещадно: маньчжуры и китайцы падали подобно подкошенной травѣ. А такъ какъ въ томъ году снѣгъ былъ очень глубокъ, то немногіе китайцы и бывшіе при обозѣ сибинцы могли убѣжать и спастись. Китайцы оставили пушки, оружіе и порохъ, отчего сила бунтовщиковъ чрезвычайно увеличилась.

Что же касается сибо и солоновъ, шедшихъ отдѣльно отъ остального войска, то такъ какъ они были извѣстны по своей храбрости, таранчи не посмѣли войти въ ихъ ряды. Въ правильномъ сраженіи сибинцевъ погибло мало; больше погибло на развѣдкахъ въ мелкихъ стычкахъ. Вообще сибинцы держались стойко; сильные изъ нихъ защищали слабыхъ. Къ тому же среди сибо не было голодныхъ, какъ у маньчжуровъ, и лошади ихъ были сыты. Дѣло въ томъ, что сибо и солоны получали муку изъ своихъ ротъ отъ ротныхъ командировъ; фуражъ же для лошадей (овесъ и клеверъ) они получали отъ своихъ старшихъ или младшихъ братьевъ, — вообще отъ родственниковъ²⁾, не состоявшихъ солдатами и жившихъ у себя дома. Однимъ словомъ, набранные изъ ротъ сибинцы и солоны, не извѣдавшіе городской жизни, отличались мужествомъ и силой; въ своихъ ротахъ они постоянно занимались охотою и упражнялись въ стрѣльбѣ изъ лука, а потому были отиѣнные стрѣлки.

Маньчжуры же, проживши спокойно въ теченіе 100 лѣтъ въ городахъ, потеряли всякую воинственность и физически настолько ослабѣли, что не могли натягивать упругаго лука; выпущенныя ими стрѣлы летѣли недалеко и не могли пробить толстую ватную одежду таранчей. Изгнанные маньчжурскіе офицеры забросили обученіе своихъ солдатъ стрѣльбѣ изъ лука, а только щеголяли своей одеждой и вели распутную жизнь. Во время столкновенія съ таранчами и дунганями маньчжуры были одѣты въ толстыя одежды, что стѣсняло ихъ движенія. Въ довершеніе всего они были голодны, такъ какъ въ Хуй-юань-чэнѣ не было хлѣба. Хлѣбъ, собранный ранѣе китайскими чиновниками въ г. Кульдждѣ и предназначенный для отправки въ г. Хуй-юань-чэнъ, былъ захваченъ возставшими таранчами. Лошади маньчжуровъ также отоцали отъ голодовки, такъ какъ фуража

1) Это киргизы изъ рода «Кызай».

2) Жившіе въ «ниру» (ротѣ) родственники сибо и солоновъ, стоявшихъ лагеремъ подъ Хуй-юань-чэнотъ, привозили имъ фуражъ для лошадей. Авторъ этихъ записокъ передаетъ, что и онъ, когда р. Или покрылась льдомъ, привозилъ на саняхъ въ г. Хуй-юань-чэнъ 3-мъ своимъ дядямъ фуражъ для ихъ лошадей.

для нихъ не хватило, — и онѣ не могли скакать въ глубокомъ снѣгу. Таранчи и дунгане догоняли застрявшихъ въ снѣгу маньчжуровъ и убивали ихъ.

Помимо вышеописаннаго сраженія, бывали неоднократныя мелкія стычки на дорогѣ изъ Хуй-юань-чэна къ Баянтаю. Случалось, что маньчжуръ разбивали мятежниковъ, — но не преслѣдовали ихъ. Когда побѣждали бунтовщики, то они, преслѣдуя и убивая маньчжурскія войска, доходили до ихъ лагеря.

Въ это несчастное время цзянь-цзюня окружали недостойные чиновники изъ маньчжуровъ, клеветавшіе ему на сибинцевъ. Лучшіе же чиновники совѣтовали освободить сибинскаго ухэриду изъ тюрьмы и поручить ему съ сибинцами разгромить бунтовщиковъ. Цзянь-цзюнь вызвалъ изъ тюрьмы къ себѣ ухэриду Дэхэду и спросилъ его, можетъ ли онъ разбить возставшихъ? Ухэрида, отвѣчая цзянь-цзюню, поставилъ слѣдующее условіе: «Если я, ухэрида, не уничтожу бунтовщиковъ, то тогда вы, цзянь-цзюнь, казните меня и всю мою родню, а также и всю четвертую роту. Но если я разобью бунтовщиковъ, то вы общайте мнѣ выдать тѣхъ многихъ злыхъ людей, которые совѣтовали вамъ отправить 500 вольныхъ сибинцевъ пѣшими съ телѣгами въ битву и тѣмъ погубили ихъ». Цзянь-цзюнь не захотѣлъ далѣе выслушивать ухэриду и отправилъ его снова въ тюрьму. Тамъ его, по приказанію цзянь-цзюня, отравили и сказали, что онъ умеръ естественною смертію. Тѣло было выдано женѣ и дѣтямъ.

Послѣ этого событія еще болѣе усилилась вражда между сибинцами и маньчжурами, жившими въ городахъ: маньчжуръ при встрѣчѣ называли сибинцевъ друзьями бунтовщиковъ.

Въ довершеніе всѣхъ несчастій самъ цзянь-цзюнь только задавалъ обѣды и вовсе не думалъ о мятежникахъ, какъ бы ихъ и не существовало. Когда понадобилось цзянь-цзюню отштукатурить комнаты въ ямынѣ, то глину я извѣсть разводили водою, наполовину разбавленной ханшиномъ (водкою)¹⁾. Такимъ образомъ значительная часть хлѣба, изъ котораго гнали ханшинъ, ушла на прихоти цзянь-цзюня.

Во всѣхъ бѣдахъ, которыя постигли несчастный Илійскій край, виновны цзянь-цзюнь и чиновники; дунгане и таранчи тутъ не при чемъ. Чиновники не заботились о солдатахъ, солдаты же презирали чиновниковъ. Послѣдніе, когда вспыхнуло возстаніе, не думали о томъ, чтобы стать во

1) Вода, по случаю холоднаго времени, замерзала, но, разбавленная водкой, она сохраняла свое жидкое состояніе, и въ ней можно было разводить глину.

главѣ войскъ и мужественно подавить волненія; наоборотъ, увидѣвъ бунтовщиковъ, они обращались въ бѣгство. Хотя при этомъ они и заботились о сохраненіи своей жизни, но не знали того, что въ концѣ концовъ они будутъ истреблены, а ихъ жены и дѣти сдѣлаются добычей мятежниковъ. Какъ все это жаль!

IV.

Между тѣмъ осажденные въ Баянтаѣ маньчжуры отчаянно защищались въ теченіе 3 мѣсяцевъ, при чемъ убили не мало бунтовщиковъ, но положеніе гарнизона къ концу 3-го года Тунъ-чжи (1864 года) все-таки стало критическимъ. Дунгане и таранчи, раздѣлившись на 4 отряда, вели осаду и днемъ и ночью.

12 числа 1-й луны 4-го года Тунъ-чжи (1865 года) Ханджа-ахунъ объявилъ, что въ этотъ день мусульмане обязательно должны взять Баянтай. По его совѣту, дунганъ и таранчей накормили до излишества, а вечеромъ приостановили канонаду. Къ этому времени гарнизонъ крѣпости, не вѣдая ни днемъ ни ночью покоя, чрезвычайно усталъ. Маньчжуры напрасно ожидали въ этотъ день дунганъ и таранчей, — въ лагерѣ послѣднихъ все затихло. Вплоть до 10 часовъ вечера маньчжуры ожидали, что бунтовщики опять полѣзутъ на стѣны крѣпости и будутъ врываться черезъ пробитыя уже въ стѣнахъ отверстія. Но бунтовщики словно вымерли, — ни криковъ, ни выстрѣловъ не было слышно съ ихъ стороны. Измученные ожиданіемъ и истомленные продолжительною борьбой, маньчжуры послѣ 10 часовъ вечера заснули.

Въ часъ или 2 ночи дунгане и таранчи тихонько стали взбираться на стѣны крѣпости. Маньчжуры спали настолько крѣпко, что проснулись только тогда, когда половина таранчей уже была на стѣнахъ. Маньчжуры живо схватили ружья и луки, стали стрѣлять и привели въ смятеніе таранчей¹⁾, которые стали прыгать обратно, сваливаться и спускаться по лѣстницамъ со стѣнъ.

Но тогда Эмиръ-ханъ-ходжа схватилъ въ руки саблю и сталъ направо и налѣво рубить таранчей, побуждая ихъ войти въ крѣпость чрезъ пробитыя отверстія. И вотъ ночью 12 числа 1-й луны дунгане и таранчи наконецъ вошли въ крѣпость. Но въ теченіе семи дней маньчжурской гарнизонъ²⁾ еще отчаянно боролся съ ворвавшимися въ крѣпость бунтовщиками;

1) Нужно замѣтить, что во всѣхъ сраженіяхъ съ маньчжурами и китайцами отчаянно боролись только дунгане. Они всячески побуждали таранчей; безъ дунганъ таранчамъ не завладѣть бы Баянтаемъ и Хуй-юань-чэномъ.

2) До начала осады гарнизонъ крѣпости состоялъ изъ 2,000 человекъ.

даже женщины взялись за оружіе для защиты себя. Но все было напрасно, — всё были убиты мусульманами. Уцѣлѣло только небольшое число дѣтей и женщинъ, которыхъ мусульмане взяли себѣ.

Незадолго до паденія крѣпости, четыре командира знаменъ и мѣнь-амбань совѣщались относительно участи хлѣбнаго склада, находившагося въ крѣпости, при чемъ нѣкоторые предлагали съжечь его. Однако мѣнь-амбань, человѣкъ очень даровитый и умный, сказалъ слѣдующее: «Находящійся въ этомъ складѣ хлѣбъ собранъ таранчами. Вотъ уже въ теченіе 100 дней мятежники осаждаютъ Баянтай. Между тѣмъ въ Хуй-юань-чэнѣ имѣется, не считая пѣхоты, 10.000-й конный отрядъ, находящійся отъ насъ всего въ 80 ли. Разъ онъ не выручилъ насъ, то я увѣренъ, что бунтовщики обязательно завладѣютъ всѣмъ Илійскимъ краемъ. Такъ пусть мятежники ѣдятъ нашъ хлѣбъ и берутъ Или. Не сжигайте этого хлѣба». Когда командиры знаменъ ушли отъ мѣнь-амбана, онъ поджегъ хранившуюся въ его домѣ корзину съ порохомъ и погибъ вмѣстѣ со своей семьей въ пламени.

Такъ какъ у дунганъ и таранчей вооруженіе было плохого качества, то цзянь-цзюнь, сидя въ Хуй-юань-чэнѣ, полагался на силу огнестрѣльнаго оружія, бывшаго въ большомъ количествѣ у его войскъ. Для усиленія своей артиллеріи онъ приказалъ сдѣлать большую деревянную пушку. Кромѣ того, обучили до 300 мальчиковъ 12—13 лѣтъ стрѣлять изъ ружей. Этотъ отрядъ цзянь-цзюнь назвалъ «отрядомъ летящаго тигра». Означенные мальчики были размѣщены на телѣгахъ и отправлены въ составѣ войска, вышедшаго въ 3-й лунѣ 4-го года Тунъ-чжи на борьбу съ бунтовщиками. Въ авангардѣ этого войска поставили артиллерійскій отрядъ изъ китайцевъ съ большими чугунными пушками; была взята также и новая деревянная пушка.

Кто посовѣтовалъ цзянь-цзюню взять мальчиковъ на телѣгахъ, неизвѣстно. Указывали на то, что мальчики не знаютъ страха и потому пригодны для нападенія...

Въ то несчастное время цзянь-цзюня окружали хитрые и злые чиновники, которые угождали ему и всякую глупость выдавали за важное; хорошіе же и честные люди находились вдали отъ цзянь-цзюня.

Конница и пушечный отрядъ направились по дорогѣ къ Баянтаю и, остановившись у лагеря бунтовщиковъ, выстроились впереди, отрядъ же «летящаго тигра» сталъ въ арьергардѣ, за пушечнымъ отрядомъ. Когда артиллеристы выстрѣлили изъ деревянной пушки, она разорвалась съ страшнымъ шумомъ, при чемъ было убито осколками свыше 10 человѣкъ прислуги. Таранчи, увидя такую неудачу китайцевъ, удвоили усилія и, съ крикомъ «хуңъ» бросившись на стоявшихъ впереди маньчжуровъ, потѣснили ихъ.

Маньчжуры обратились въ бѣгство, то же сдѣлали и пушкари, оставив побѣдителямъ свои пушки.

Отряду «летающаго тигра» не пришлось подойти близко къ таранчамъ; мальчики, соскочивъ съ телегъ, стали стрѣлять, но подавляемые большимъ числомъ бунтовщиковъ и не поддерживаемые своими должны были отступить. Отступая шагъ за шагомъ, они храбро отстрѣливались отъ дунганъ и таранчей, но въ концѣ концовъ были перебиты ими¹⁾. Только три мальчика, 15—16 лѣтъ, успѣли спастись, вскочивъ на лошадей. Вѣсть о судьбѣ этого отряда скоро дошла до Хуй-юань-чена, и во всѣхъ концахъ города громко рыдали родители юныхъ воиновъ, павшихъ въ бою.

Почувствовавъ подъ собою почву, таранчи силою заставили и акимъ-бека Майсемсата участвовать въ сраженіяхъ съ войсками цзянь-цзюня. Но Майсемсатъ не хотѣлъ причинять зла маньчжурамъ и китайцамъ, а поэтому приказалъ своему отряду изъ 700 человекъ стрѣлять въ маньчжуровъ только холостыми зарядами. Таранчи узнали объ этомъ и убили его. Послѣ смерти Майсемсата начальникомъ былъ избранъ одинъ таранчинецъ, котораго стали называть суланомъ²⁾.

Какъ уже сказано выше, маньчжуры обвиняли сибинцевъ въ измѣнѣ. На этой почвѣ возникла въ 4 луну ссора между солонскимъ солдатами и

1) Въ маньчжурскомъ текстѣ сказано короче: «Мальчики, соскочивъ съ телегъ, стали отступать отстрѣливаясь; но не прошли они и нѣсколькихъ ли, какъ всѣ были перебиты мусульманами». (Вл. К.).

2) Майсемсатъ былъ обезглавленъ по приказу Кайра-ходжи, который послѣ смерти Майсемсата и былъ суланомъ въ теченіе 35 дней. Нужно при этомъ замѣтить, что Кайра-ходжа посадилъ въ тюрьму друга Майсемсата, — таранчинеца Обуль-аля. Братъ этого Обуль-аля Шамс-эддинъ Худай-кулиновъ, — главнокомандующій надъ всѣми таранчинскими отрядами и называвшійся потому Кази-аскеромъ (собственно, «Кази-аскеръ» значитъ — военный судья. Вл. К.), — поставилъ себѣ цѣлю отомстить за брата. Что касается Кайра-ходжи, то онъ не пользовался любовью у таранчей, такъ какъ онъ былъ пршшельцомъ и захватилъ много земель. Въ довершеніе всего Кайра-ходжа возбудилъ неудовольствіе среди таранчей изъ-за пушки: по указаніямъ Кайра-ходжи, была сдѣлана изъ дерева пушка и обернута 12 бычьими кожами; въ пушку вложили 1 пудъ пороку и 1 пудъ пуль; при выстрѣлѣ пушка разорвала и убило многихъ изъ прислуги. Этимъ неудовольствіемъ на Кайра-ходжу и воспользовался Кази-аскеръ. Онъ отпросился у Кайра-ходжи изъ таранчинскаго лагеря въ г. Кульджу — по своимъ дѣламъ; затѣмъ Шамс-эддинъ подослалъ семерыхъ убійцъ, которые ночью подползли къ юртѣ, гдѣ спалъ Кайра-ходжа, и, отрѣзавъ ему голову, доставили ее въ г. Кульджу Шамс-эддину. Послѣдній, воткнувъ голову Кайра-ходжи на шесть, возилъ ее по улицамъ г. Кульджи, возвѣстивъ тѣмъ народу, что нелюбимаго султана болѣе уже нѣтъ въ живыхъ. Кази-аскеръ освободилъ изъ тюрьмы въ г. Кульджѣ своего брата Обуль-аля и послалъ его въ лагерь принять таранчинскія войска подъ свое начальство. Обуль-аля былъ популяренъ среди таранчей, которые провозгласили его таранчинскимъ суланомъ и впервыя надѣли на его голову особую султанскую шапку. Обуль-аля былъ суланомъ до самаго прихода генерала Колпаковского въ г. Кульджу. Генералъ Колпаковскій отправилъ Обуль-аля въ г. Вѣрный, гдѣ онъ до самой смерти получалъ отъ русскаго пра-

маньчжурами въ казенной мѣняльной лавкѣ, находящейся за восточными воротами гор. Хуй-юань-чэна. Въ это время цзянь-цзюнь какъ разъ возвращался изъ лагерей¹⁾, куда ѣздилъ для ревизіи. Онъ послалъ узнать, въ чемъ дѣло. Оказалось, что находившіеся въ мѣняльной лавкѣ молодые маньчжуры, одинъ—сынъ ротнаго командира, а другой—внукъ командира знамени, увидя двухъ солоновъ въ сосѣдней винной лавкѣ, сказали имъ, что солонны—хорошіе солдаты, а сибинцы во главѣ съ своимъ ухэридой—измѣнники. Солонны оскорбились такой аттестаціей ихъ товарищей и сказали двумъ маньчжурамъ: «Какъ мы, такъ и сибо бросили свои семьи и живемъ здѣсь, одинаково защищая вѣсть. Почему же вы однихъ хвалите, а другихъ хулите?» Затѣмъ солонны стали бить маньчжуровъ.

Узнавъ о происшедшемъ, цзянь-цзюнь сильно разгнѣвался на молодыхъ маньчжуровъ и сказалъ имъ: «Зачѣмъ вы напрасно вносите смуту въ среду моихъ солдатъ?» Послѣ этого онъ приказалъ принести изъ ямыни «стрѣлу смертной казни» (*фафуни ниру*), держа которую онъ могъ въ военное время, не докладывая предварительно Богдохану, казнить любого преступника — солдата или офицера. Стрѣла была принесена, и молодыхъ маньчжуровъ казнили, а головы ихъ повѣсили по краямъ дороги; солонновъ же не наказывали.

Такой энергичный поступокъ цзянь-цзюня положилъ предѣлъ расширенію слуховъ о томъ, что сибо вошли въ соглашеніе съ бунтовщиками.

12-го числа 5-й луны того же года цзянь-цзюнь приказалъ суйдинскому артиллерійскому отряду изъ китайцевъ ночью выступить и подождать въ томъ мѣстѣ, гдѣ расходятся дороги—одна въ Суйдинъ, а другая въ Хуй-юань-чэнь, хуй-юань-чэнскихъ кавалеристовъ, которымъ было приказано выступить въ тотъ же день и соединиться съ артиллеріей. Китайцы высту-

вительства пенсію въ 5.000 рублей въ годъ. Сынъ ех-султана Обуль-аля, Кебиръ бекъ Обуль-аляевъ, и теперь живетъ съ семьей въ г. Вѣрномъ и получаетъ отъ казны 2.500 рублей въ годъ.

Эти свѣдѣнія сообщилъ мнѣ таранчинскій аксакалъ (старшина) г. Кульджи, Закиръ ахунъ Курбановъ, стоявшій близко къ Кази-аскеру Шамс-эддину Худай-кулинову. (Они однако расходятся съ данными, приводимыми Д. Федоровымъ, *op. cit.*, не сходятся также и имена таранчинскихъ дѣятелей. Въ частности, послѣдній таранчинскій султанъ у Федорова носитъ имя Айла-хана или Абиль-оглы; въ таранчинскомъ текстѣ исторіи муллы Биляля въ изданіи Пантусова, стр. 44, онъ называется, согласно справкѣ, любезно наведенной В. В. Бартольдомъ,—А'ла-ханъ; въ своихъ примѣчаніяхъ къ тексту (вып. 2, стр. 52) Пантусовъ даетъ еще варианты: А'ля-ханъ, Аг'ля-ханъ, Абиль-Ог'ля, въ которыхъ видно постепенное искаженіе слова А'ла. Вл. К.).

1) Лагери были расположены къ востоку отъ г. Хуй-юань-чэна, въ 3 ли, и заключали въ себѣ отряды: сибинскій (цзянь-цзюнемъ было вызвано 1.000 человекъ кавалеріи и 500 свободныхъ сибо—«сула»), китайскій, солонскій и маньчжурскій. Всѣ эти отряды были расположены въ одной оградѣ (импань).

нили, во цзянь-цзюнь, найдя этотъ день несчастливымъ для похода, задержалъ конницу, китайцевъ же обратно не вернулъ. Въ результатѣ получилось то, что пушканы - китайцы въ числѣ 500 человекъ были окружены бунтовщиками и перебиты, а пушки перешли во владѣніе побѣдителей. Выступившіе на слѣдующій день кавалеристы увидѣли только трупы китайцевъ. Но въ этотъ разъ маньчжурь лихо сражались и разбили бунтовщиковъ, хотя преслѣдовать ихъ не рѣшились.

Итакъ бунтовщики овладѣли Баянтаемъ и продвинулись близко къ Суйдину и Хуй-юань-чэну, остановившись лагеремъ на дорогѣ.

Въ это время цзянь-цзюнь отдалъ приказъ чахарскому мѣнь-амбану привести чахаръ изъ Боро-тала, но послѣдніе наотрѣзъ отказались идти на помощь и отправили своего мѣнь-амбана обратно, къ цзянь-цзюню, верхомъ на коровѣ.

V.

Въ 6-й¹⁾ лунѣ того же года (т. е. въ 1865 году) дунгане и таранчи — пѣшіе и конные прошли горами къ сѣверу отъ г. Кульджи и, приблизившись къ г. Суйдину, окружили его. Чжэнь-тай²⁾ извѣстилъ цзянь-цзюня объ осадѣ города. Цзянь-цзюнь приказалъ сибинскому ротному командиру Ургуну, извѣстному по своей храбрости, идти на помощь къ окруженнымъ въ г. Суйдинѣ китайцамъ. Ургунъ отправился съ 500 сибинцами и, приблизившись къ рѣчкѣ Са-хэ-цзы, къ востоку отъ г. Суйдина, остановился на западномъ ея берегу, а дунгане и таранчи, около 4.000 человекъ, расположились на противоположномъ, восточномъ берегу рѣчки. Открылась стрѣльба изъ луковъ и старинныхъ ружей; сибинцы не выдержали и подались; таранчи, перейдя мелкую рѣчку, загнали сибинскій отрядъ къ самымъ стѣнамъ суйдинской крѣпости. Видя критическое положеніе своего отряда, ротный командиръ Ургунъ обратился къ своимъ солдатамъ съ рѣчью, въ которой указалъ, что если они не будутъ отчаянно бороться, то всѣ погибнутъ. Тогда солдаты удвоили свою отвагу; выпущенные ими стрѣлы летѣли подобно саранчѣ. Но таранчи, превосходя сибинцевъ въ 8 разъ, продолжали наступать. Тогда командиръ Ургунъ, замѣтивъ, что пѣшихъ таранчей подгоняютъ дунгане, ѣхавшіе верхомъ на лошадахъ сзади таранчей, приказалъ прекратить стрѣльбу по таранчамъ и стрѣлять надъ ихъ головами въ дунганъ. Когда туча стрѣлъ полетѣла надъ таранчами въ лица дунганъ, послѣдніе побѣжали, за ними пустились и таранчи, которыхъ сибинцы убивали вплоть до рѣчки Са-хэ-цзы. Потомъ было насчитано

1) Лю-цунь-хань относитъ это событіе къ 4 лунѣ (Вл. К.).

2) Начальникъ суйдинскаго китайскаго гарнизона.

болѣе 300 труповъ убитыхъ таранчей. 500 слишкомъ таранчей и дунганъ было ранено; изъ нихъ почти всѣ умерли, такъ какъ стрѣлы у сибинцевъ были отравлены.

Въ это время была нестерпимая жара; сибинцы и ихъ лошади чрезвычайно устали. Лошади, увидѣвъ воду, остановились и стали пить, то же сдѣлали и всадники. Бунтовщики успѣли за это время убѣжать. Утомленные сибинцы не захотѣли ихъ преслѣдовать и возвратились въ суйдинскую крѣпость. Здѣсь чжэнь-тай угостилъ всѣхъ солдатъ сытнымъ обѣдомъ изъ мяса свиней и барановъ. Цзянь-цзюню чжэнь-тай сообщилъ о побѣдѣ.

Нужно сказать, что 2 маньчжурскихъ солдатъ, посланные цзянь-цзюнемъ съ порученіемъ наблюдать за исходомъ битвы, увидѣвъ первоначальное бѣгство сибинцевъ, прыскакали на лошадяхъ въ Хуй-юань-чэнъ и сообщили тамъ о пораженіи сибинцевъ. Каково же было изумленіе цзянь-цзюня, когда чжэнь-тай донесъ ему о побѣдѣ сибинцевъ! Цзянь-цзюнь тогда сильно разгнѣвался на 2 маньчжуровъ-развѣдчиковъ и приказала казнить ихъ; головы казенныхъ были выставлены у дороги изъ Хуй-юань-чэна въ г. Суйдинъ.

Побѣдителей-сибинцевъ торжественно встрѣтили въ г. Хуй-юань-чэнѣ; самъ цзянь-цзюнь вышелъ навстрѣчу имъ изъ города. Когда онъ увидѣлъ ротнаго командира Ургуна, то снялъ со своей головы шапку съ шарикомъ 1-й степени и надѣлъ ее на голову Ургуна. Затѣмъ Ургунъ былъ назначенъ и. д. сибинскаго мэнь-амбана.

Таранчинцы, бѣжавъ отъ Суйдина, не остановились въ общемъ лагерѣ бунтовщиковъ, а возвратились въ свои селенія. Они получили хорошій урокъ и, видя, что теперь сибинцы измѣнили прежнее доброжелательное къ нимъ отношеніе, не хотѣли больше примыкать къ возставшимъ дунганамъ. Но главнымъ вожакамъ бунтовщиковъ все-таки удалось снова привлечь таранчей на свою сторону и стянуть въ свой лагерь.

VI.

Въ 7-й лунѣ того-же года (г. е. въ 1865 году) калмыки¹⁾ 4-й, 6-й и 10-й ротъ («сумуновъ») рѣшили помочь маньчжурамъ. Во главѣ калмыковъ сталъ гегенъ (хутукта) и они въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человекъ двинулись къ Хуй-юань-чэну. По дорогѣ они разграбили въ мѣстности Тегусъ-шара восемь таранчинскихъ поселковъ и навели такой страхъ на таранчей, что они опять стали колебаться и на своемъ

1) Въ маньчжурскомъ текстѣ они названы блѣтами. (Вл. К.).

совѣщаніи рѣшили было захватить врасплохъ всѣхъ дунганъ и представить ихъ цзянь-цзюню, а самимъ вымолить прощеніе.

Между тѣмъ калмыки, подойдя къ Хуй-юань-чэну, остановились противъ этого города на южномъ берегу рѣки. Гегень письмомъ просилъ цзянь-цзюня послать къ калмыкамъ въ подмогу 500 сибинцевъ, и тогда хутукта обѣщалъ цзянь-цзюню уничтожить всѣ 12 поселковъ лѣвобережныхъ таранчей, чтобы затѣмъ усмирить безъ труда и таранчей, жившихъ къ сѣверу отъ р. Или. Но цзянь-цзюнь не обратилъ вниманія на мудрый планъ хутукты, а послалъ калмыкамъ приказъ, въ которомъ говорилъ, что въ бунтѣ виновны только дунгане, которые увлекли таранчей; что касается лѣвобережныхъ таранчей, то они почти вовсе не участвовали въ бунтѣ, а потому если убить ихъ, то можно прогнѣвить небо. Вмѣстѣ съ тѣмъ цзянь-цзюнь приказалъ калмыкамъ переправиться на сѣверную сторону р. Или, чтобы сообща съ маньчжурами разбить главный лагерь бунтовщиковъ; послѣ этого цзянь-цзюнь надѣялся безъ всякаго труда усмирить всѣхъ илійскихъ магометанъ.

Въ то же время, по совѣту командировъ восьми хуй-юань-чэнскихъ маньчжурскихъ знаменъ, былъ принятъ коварный планъ — завладѣть калмыцкими лошадьми, когда калмыки придутъ въ г. Хуй-юань-чэнъ, и посадить на этихъ лошадяхъ маньчжуровъ, у которыхъ лошади совершенно отошала; самихъ же калмыковъ предполагалось назначить на работы — частью по укрѣпленію крѣпости, частью по сбору съ полей пшеницы въ Цинъ-шуй-хэ.

Во исполненіе приказанія цзянь-цзюня отрядъ калмыковъ въ 50 человекъ съ гегенемъ-хутуктой во главѣ переплылъ на лодкахъ р. Или. Здѣсь ихъ окружили маньчжуры, пришедшіе съ уздами, и отняли у нихъ лошадей. Тогда калмыки прокричали оставшимся за рѣкой своимъ товарищамъ, чтобы они возвращались скорѣе въ свои кочевья, такъ какъ маньчжуры у нихъ, калмыковъ, отняли лошадей и такимъ образомъ сдѣлали ихъ пѣхотинцами.

Калмыки, находившіеся на южномъ берегу р. Или, немедленно отпразднелись въ обратный путь. Цзянь-цзюнь далъ предписаніе сибинскому ухэридѣ Кармангѣ догнать калмыковъ и привести ихъ въ Хуй-юань-чэнъ. Но ухэридѣ не удалось этого сдѣлать¹⁾.

Бунтовщики, услышавъ о неудачномъ исходѣ мобилизаціи калмыковъ, почувствовали въ себѣ еще большую силу.

Итакъ, цзянь-цзюнь не сумѣлъ воспользоваться помощію калмыковъ.

1) Лю-цунь-ханю остались неизвѣстными причины, побудившія калмыковъ уйти обратно въ свои кочевья, и онъ склоненъ предполагать существованіе у этихъ калмыковъ злого умысла. (Вз. К.).

А вѣдь они, разгромивъ 8 таранчинскихъ поселковъ въ Тегусть-шара, навели страхъ на таранчей. И если бы цзянь-цзюнь послушался совѣта калмыцкаго хутукты и далъ калмыкамъ на подмогу своихъ солдатъ-сибинцевъ, то калмыки вмѣстѣ съ послѣдними уничтожили бы 12 таранчинскихъ селъ, расположенныхъ къ югу отъ р. Или, а тогда бы возстаніе быстро прекратилось. Но разъ небу угодно было, чтобы бунтовщики уничтожили маньчжуровъ и китайцевъ въ илійскихъ предѣлахъ, то, очевидно, никакая чело-вѣческая сила не была въ состояніи предотвратить этого. Подобная ката-строфа неминуемо должна была случиться, такъ какъ цзянь-цзюнь дѣйстви-тельнѣе нерѣшительно и, подобно женцинѣ, выказалъ жалость къ измѣнни-камъ.

Въ это время положеніе маньчжуровъ и китайскихъ солдатъ было плачевное: не получая вовсе отъ правительства содержанія за много мѣся-цевъ, они должны были на собственные средства одѣваться и питаться. Цзянь-цзюнь, докладывая Императору о бунтѣ въ илійскихъ предѣлахъ, сообщилъ, что войскъ у него вполнѣ достаточно, но что нѣтъ средствъ для уплаты имъ жалованія. Богдоханъ выслалъ жалованье солдатамъ чрезъ русскіе предѣлы¹⁾, но оно дошло до Илійскаго округа какъ разъ незадолго до взятія возставшими маньчжурско-китайскихъ городовъ въ Или. А по-тому присланныя деньги были задержаны въ русскихъ предѣлахъ и впо-слѣдствіи переданы солонамъ, которые, послѣ занятія ихъ лагерей бунтов-щиками, ушли въ Тарбагатайскій округъ.

Въ 20-хъ числахъ 7-й луны 4 года Тунъ-чжи (въ 1865 г.) илійскія войска (сибо, солонь и маньчжуры), вооруженныя луками, взявъ калмыцкій отрядъ изъ 50 человекъ съ гегеномъ-хутуктою во главѣ, выступили противъ бунтовщиковъ къ мѣсту ихъ стоянки²⁾. Съ этими войсками шелъ также артиллерійскій отрядъ изъ г. Суйдина.

Когда войска подошли къ лагерю мятежниковъ, то гегенъ сказалъ войскамъ: «Выстройтесь въ ряды, по пока не сражайтесь. Я взойду на гору и буду читать священную книгу³⁾. И вотъ, когда я, ковчивъ чтеніе, брошу горсть земли въ сторону бунтовщиковъ, то всѣ войска пусть на-падутъ на нихъ». Сказавъ такъ, гегенъ взобрался на вершину горы и сталъ читать священную книгу. Бунтовщики въ это время стали стрѣлять удачно

1) Въ то время весь Китайскій Туркестанъ былъ охваченъ пламенемъ возстанія и деньги этимъ путемъ въ Илійскій край посылать было нельзя.

2) Лагерь мятежниковъ находился въ 20 ли отъ крѣпости Балнтай, по направленію къ г. Суйдину.

3) По-маньчжурски «номунъ» — священная книга у буддистовъ (по-монгольски — «ном»).

изъ захваченныхъ прежде у китайцевъ пушекъ. Маньчжурскія войска не устояли и, бросивъ свои пушки, побѣжали. А такъ какъ сибо и солонь стояли въ сторонѣ и не помогали маньчжурамъ, то бунтовщики, увидя, что пушкарѣ побѣжали, отчаянно ринулись на маньчжуровъ; строй послѣднихъ былъ прорванъ и всѣ, кто куда могъ, побѣжали¹⁾). Калмыки также поспѣшно бѣжали и укрылись въ русскихъ предѣлахъ, ихъ гегенъ скрылся неизвѣстно куда.

Такимъ образомъ маньчжурскіе командиры, устранившіе сильный отрядъ калмыковъ въ нѣсколько тысячъ человекъ, уже пришедшій было на помощь, и взявшіе взамѣлъ него маленькій ихъ отрядъ въ 50 человекъ, а затѣмъ положившіеся на чтеніе гегеномъ священной книги, — поистинѣ были подобны играющимъ маленькимъ дѣтямъ.

Съ другой стороны, въ Илійскомъ краѣ въ то время было много богатыхъ купцовъ. Цзянь-цзюнь могъ бы занять у нихъ подъ проценты денегъ для уплаты содержанія войскамъ, съ тѣмъ чтобы вернуть долгъ послѣ подавленія возстанія. Впослѣдствіи цзянь-цзюнь самъ отнялъ у купцовъ деньги и заполнилъ ими свой ямунь. Но ни передъ возстаніемъ, ни теперь у начальниковъ не было любви къ войскамъ; не было ни разумнаго плана, ни храбрости. Могли ли при такихъ условіяхъ мятежники не имѣть успѣха?

VII.

Дунгане и таранчи, уничтоживъ баянтайскій гарнизонъ и разбивъ нѣсколько разъ маньчжуровъ и китайцевъ, готовились къ осадѣ г. Хуйюань-чэна. Но предпріятіе это было очень рискованно, такъ какъ силы маньчжуровъ и китайцевъ не были окончательно надломлены. Поэтому таранчинскій султанъ чрезвычайно обрадовался, когда одинъ преступникъ-сибинецъ, Билэси, бѣжавъ изъ тюрьмы къ таранчамъ, совѣтовалъ имъ подчинить сначала оба фланга, т. е. сибо и солонь, такъ какъ тогда-де уже не будетъ трудно справиться съ хуй-юань-чэнскими маньчжурами, суйдинскими китайцами и прочими китайскими гарнизонами. Таранчи разсудили, что сибинецъ—правъ, а потому султанъ, приказавъ вышеупомянутому ташкентскому сарту Эмиръ-ханъ-ходжѣ подчинить сначала сибинскія роты, расположенныя къ югу отъ р. Или, далъ ему половину своего таранчинскаго войска²⁾). Вмѣстѣ съ тѣмъ Эмиръ-ханъ-ходжа, перейдя рѣку,

1) Въ маньчжурскомъ текстѣ это сраженіе описано короче; о томъ, что у маньчжуровъ была артиллерія, ничего не говорится; подробности, повидимому, сообщены переводчику авторомъ. (Вл. К.).

2) Въ экспедиціи таранчей за р. Или противъ сибинцевъ дунгане не участвовали, оставшись въ лагерѣ къ сѣверу отъ р. Или.

призвалъ къ себѣ на помощь и остальныхъ таранчей изъ селъ, расположенныхъ къ югу отъ рѣки, а также и киргизовъ, которые охотно пошли съ таранчами съ цѣлью грабежа.

Къ тому времени Эмиръ-ханъ-ходжа чрезвычайно прославился своею храбростью и распорядительностью; за все время возстанія онъ всегда увлекалъ за собою таранчей.

Всѣ восемь ротъ¹⁾ во время возстанія илійскихъ магометанъ находились къ югу отъ р. Или, гдѣ и теперь находятся. Каждая рота представляеть изъ себя большой поселокъ, обнесенный глинобитной стѣной.

На востокъ, недалеко отъ р. Или, по сѣверную сторону арыка, въ 5 ли отъ него, находится 2-я рота («виру») или желтое безъ каймы знамя. Всѣ другія роты находятся къ западу отъ нея. Въ 10 ли къ западу отъ 2-й роты по южную сторону арыка расположена 8-я рота, составляющая сильнее съ красною каймою знамя. Въ 30 ли къ западу отъ 8-й роты и къ югу отъ арыка расположена 6-я рота, имѣющая красное съ бѣлой каймой знамя. Въ 45 ли къ западу отъ 6-й роты находится четвертая рота, т. е. красное безъ каймы знамя. А отъ 4-й роты въ 15 ли къ юго-западу расположены въ одномъ укрѣпленномъ поселкѣ первая и третья роты вмѣстѣ. За стѣной, окружающей эти роты, расположены пашни, орошаемая изъ большого арыка и 3 ключей, бѣгущихъ съ горъ къ югу отъ стѣны. Внутри поселенія каждый сибирскій домикъ окруженъ невысокой глиняной стѣной, а за домикомъ находятся фруктовый и овощной сады.

Разстояніе между 1 и 2 ротами — 100 ли.

Что касается 5 и 7-й ротъ, то онѣ теперь расположены на новомъ мѣстѣ, а именно, 7-я рота находится теперь въ 15 ли отъ рѣки возлѣ самаго арыка, къ сѣверу отъ него, на западъ же отъ нея въ 5 ли находится 6-я рота. 5-я же рота расположена также возлѣ самаго арыка, на сѣверной его сторонѣ, въ 10 ли къ западу отъ 6-й роты и въ 15 ли отъ берега р. Или. До возстанія 7-я рота находилась возлѣ рѣки, между 6-й и 2-й ротами, а 5-я тоже возлѣ рѣки, между 6-й и 4-й ротами. Однако въ

1) Сибирцы, переселенные въ Илійскій край изъ Маньчжуріи, были раздѣлены на 8 «виру» (ротъ), примѣнительно къ восьми-знаменной организаціи маньчжурскихъ войскъ, въ составъ которыхъ они входили. Въ каждой ротѣ сначала было по 100 солдатъ, не считая ихъ семействъ. Во время возстанія же въ каждой ротѣ было 163 солдата (теперь въ каждой сибирской «виру» 125 всадниковъ — моринга чоохъ), много вольныхъ («сула») сибо, стариковъ и пахарей; купцовъ не было; всего же въ ротѣ («виру») жило около 3.000 человекъ. Всѣ восемь ротъ занимались и теперь занимаются хлѣбопашествомъ, орошая свои поля изъ арыка, который прорытъ параллельно р. Или. Этотъ арыкъ, начинался выше 2-й роты, проходитъ мимо всѣхъ ротъ и оканчивается ниже 1-й и 3-й ротъ.

(Мѣстоположеніе поселковъ сибирскихъ ротъ указано на литографированной «Картѣ Илійскаго края», составленной В. М. Успенскимъ и Г. А. Елгинимъ въ 1895 г. Вл. К.).

началъ возстанія, еще до паденія Баянтая, бунтовщики ночью перешли черезъ рѣку Или по замерзшему льду, вторглись въ не защищенныя 5-ю и 7-ю роты, убили весьма много застигнутыхъ врасплохъ сибинцевъ и увели много скота. Въ 5-й ротѣ тогда жили сибинскій ухэрида, его помощникъ и ламы буддйскаго храма. Послѣ этого набѣга, оставшіеся въ живыхъ сибинцы 5-й и 7-й ротѣ вмѣстѣ съ ухэридой укрылись въ 6-ротѣ, такъ что, когда прибылъ Эмиръ-ханъ-ходжа съ войскомъ, то на мѣстѣ 5-й и 7-й ротѣ онъ увидѣлъ только брошенные импани.

Перейдя рѣку, Эмиръ-ханъ-ходжа выстроилъ главный лагерь къ югу отъ арыка, недалеко отъ 2-й и 8-й ротѣ. Затѣмъ онъ повелъ пѣшихъ и конныхъ таранчей осаждать 2-ю роту. Осаждавшіе отряды всегда могли отступить къ своему главному лагерю по мосту черезъ арыкъ. Сибинскій ухэрида донесъ объ осадѣ мятежниками 2 роты цзянь-цзюню, который послалъ изъ Хуй-юань-чэна на помощь маньчжуровъ и солоновъ въ количествѣ 500 человекъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ цзянь-цзюнь приказалъ сибинскому ухэридѣ собрать всѣхъ сибинцевъ, старше 18 лѣтъ, въ томъ числѣ и вольныхъ, и дать тѣмъ изъ нихъ, у которыхъ не было лошадей, казенныхъ и даже частныхъ лошадей. Собранное такимъ образомъ войско изъ сибинцевъ, солоновъ и маньчжуровъ сосредоточилось въ 6-й ротѣ и отсюда выступило на выручку осажденной второй роты («виру»). Миновавъ 8-ю роту, войско перешло арыкъ и приблизилось ко 2-й ротѣ. Таранчи, увидя непріятельскій отрядъ и опасаясь быть отрѣзанными отъ лагеря, поспѣшно стали отступать. Всадники успѣли бѣжать въ свой лагерь по мосту чрезъ арыкъ; нѣсколько же сотъ пѣшихъ таранчей было окружено и перебито. вспомога- тельный отрядъ вступилъ въ крѣпость среди ликованія сибинцевъ 2-й роты.

На другой день сибо рѣшили разгромить лагерь бунтовщиковъ, находившійся къ югу отъ арыка. Но съ этого времени начались неудачи сибинцевъ.

Всѣ сибо 2-й роты, способные носить оружіе, вмѣстѣ съ пришедшимъ на выручку отрядомъ на слѣдующій же день перешли арыкъ и подступили къ лагерю бунтовщиковъ. Но тѣ стали стрѣлять изъ пушекъ, и сибинцы, еще не обстрѣлянные, испугались и побѣжали. Первыми бѣжали сибинскіе юноши всѣхъ 8 знаменъ, не учившіеся военному дѣлу; изъ числа ихъ погибло въ этотъ день около 200 человекъ¹⁾. Сибо и маньчжуры бѣжали обратно по мосту черезъ арыкъ ко 2-й ротѣ, а нѣкоторые ускакали въ 8-ю роту.

Командиры устроили во 2-й ротѣ совѣщаніе, какимъ способомъ отбро-

1) Въ маньчжурскомъ текстѣ сказано: «очень много» (Вл. К.).

силь бунтовщиковъ. Отсутствіе у сибинцевъ пушекъ слишкомъ сказывалось, а потому командиръ маньчжуровъ, пришедшихъ на помощь, обратился къ сибинскимъ офицерамъ со слѣдующею рѣчью: «Нынѣ воры стрѣляли въ насъ изъ пушекъ; такъ какъ у насъ не было пушекъ, то мы не могли устоять и были разбиты. Вы, сибинцы, пока защищайте 2-ю роту, а я съ маньчжурами и солонями возвращусь сегодня въ Хуй-юань-чанъ, выпрошу у цзянь-цзюня артиллерійскій отрядъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ и приведу ихъ сюда, а тогда мы легко отбросимъ воровъ». Всѣ командиры согласились на это предложеніе, и маньчжуры свободно ушли отъ сибинцевъ, предоставивъ ихъ самимъ себѣ.

На слѣдующій день послѣ ухода маньчжуровъ сибинцы снова подступили къ лагерю бунтовщиковъ, но тоже были отгнаны. А послѣ этого солдаты изъ другихъ ротъ начали самовольно убѣгать къ себѣ домой, хотя небольшая ихъ часть все-таки осталась во второй ротѣ. Одного сибинца, бѣжавшаго съ поля сраженія, узарида приказалъ казнить.

Послѣ неудачнаго столкновенія съ бунтовщиками, сибинцы временно не выходили изъ 2-й роты, ожидая подкрѣпленій. Тогда Эмиръ-ханъ-ходжа подошелъ къ крѣпости и въ теченіе полумѣсяца и днемъ и ночью обстрѣливалъ изъ маленькихъ пушекъ крѣпостные стѣны. Однажды, когда таранчи подступили близко къ стѣнамъ, всѣ сибинцы, даже старики, женщины и дѣти, вышли на стѣны и облили таранчей горячей водой; хотя таранчи и прикрывались снопами хлѣба, но горячая вода проникла черезъ солому и многихъ ошпарила, отчего многіе заболѣли.

Между тѣмъ порохъ во 2-й сотнѣ былъ израсходованъ; тогда ночью 2 человѣка прокрались въ 8-ю роту и принесли оттуда двѣ корзины съ порохомъ. И въ теченіе еще нѣкотораго времени 2-я рота стойко держалась противъ бунтовщиковъ.

Эмиръ-ханъ-ходжа, осаждая 2-ю роту, однажды ночью увидѣлъ, что со стороны сибинскихъ ротъ поднимается красный свѣтъ и разстилается по небу. Тогда Эмиръ-ханъ-ходжа подумалъ, что сибинцевъ силою человѣческой взять нельзя, и поэтому рѣшилъ войти въ соглашеніе съ ними. Съ этою цѣлью онъ отправилъ во 2-ю роту своего приближеннаго таранчинца, умѣвшаго говорить по-сибински, съ предложеніемъ сдачи. Старѣйшины 2-й роты не обратили вниманія на командировъ и отворили ворота крѣпости. А затѣмъ нѣсколько стариковъ съ юношами отправились къ Эмиръ-хану для переговоровъ. Здѣсь старики выразили желаніе покориться таранчамъ, но съ условіемъ, чтобы они не ставили въ крѣпости своего гарнизона. Эмиръ-ханъ-ходжа, весьма обрадовавшійся приходу сибинскихъ старцевъ, поклонялся, взявъ въ ротъ конецъ ружейнаго дула и смотря на

небо, что онъ не введетъ своихъ таранчей во 2-ю роту. Затѣмъ онъ сказалъ сибинцамъ: «Возвращайтесь домой и принесите мнѣ печать командира роты и военное оружіе—луки, стрѣлы; тогда я уйду отъ васъ къ 1-й и 3-й сибинскимъ ротамъ, съ которыми также войду въ соглашеніе. А для этого дайте мнѣ двухъ находящихся въ вашей ротѣ сибинцевъ, говорящихъ хорошо по-таранчински. Эти переводчики будутъ сопровождать меня и расскажутъ, что 2-я рота добровольно сдалась. Прежде всего постараюсь договориться съ 8 ротою, а затѣмъ отправлюсь къ 1-й и 3-й ротамъ; когда же подчиню себѣ всѣ прочія роты, то сибинскій ухэрида, живущій въ 6-й ротѣ, также подчинится мнѣ».

Старики 2-й роты, выслушавъ слова Эмиръ-ханъ-ходжи, возвратились къ себѣ домой, взяли печать командира роты, оружіе и другіе предметы и сдали все это Эмиръ-хану. Изъ 2-й роты пришли также два сибо Вахабу и Боро, которые говорили по-таранчински.

Эмиръ-ханъ-ходжа, взявъ съ собою этихъ толмачей, пошелъ съ войскомъ къ 8-й ротѣ; сибинцы этой роты, узнавъ отъ Боро и Вахабу о сдачѣ 2-й роты, охотно подчинились Эмиръ-хану. Послѣ этого таранчи отправились къ 1-й и 3-й ротамъ, гдѣ соединились со стоявшими тамъ лагеремъ таранчами. Эти таранчи, совмѣстно съ киргизами, примкнувшими къ нимъ ради предстоявшаго грабежа, подступили къ 1-й и 3-й ротамъ въ то время, когда Эмиръ-ханъ-ходжа съ главнымъ войскомъ подошелъ ко 2-й ротѣ; этимъ таранчи хотѣли, пользуясь своею многочисленностью, раздѣлить силы сибинцевъ. Пришедшіе въ то время таранчи расположились лагеремъ въ 10 ли къ югу отъ 1-й и 3-й ротъ. Узнавъ объ ихъ приходѣ, старики и молодые сибинцы изъ обѣихъ ротъ направились верхомъ къ таранчинскому становищу; въ крѣпости остались пѣхотные отряды. Всадники, выступившіе противъ мятежниковъ, не знали ихъ численности, и таранчей оказалось около 3.000 человекъ, между тѣмъ какъ сибинцевъ было всего около 300 человекъ. Опытные сибинцы бросились въ бой, но молодые, не видавшіе битвы, испугались и вскорѣ побѣжали. Мятежники, будучи прервосходными въ силахъ, отчаянно ринулись на сибо, которые всѣ бросились бѣжать. Но стоявшая около воротъ крѣпости сибинская пѣхота вышла и остановила натискъ нападавшихъ. Въ этотъ разъ пало въ бою три старика-сибинца и 24 юноши. Болѣе сибинцы не выходили изъ-за своихъ стѣнъ и, поставивъ на нихъ пушки, держали мятежниковъ, не имѣвшихъ артиллеріи, въ почтительномъ отдаленіи.

Эмиръ-ханъ-ходжа, подойдя къ 1-й и 3-й ротамъ и соединившись съ таранчами, осаждавшими эти роты, 6-го числа 8-й луны послалъ къ сибинцамъ переводчиковъ Боро и Вахабу, которые, приблизившись къ стѣнамъ

крѣпости, сообщили сибинцамъ, что 2-я и 8-я роты сдались Эмиръ-хану, и что онъ предлагаетъ первой и третьей ротамъ поступить точно такъ же. Старики, услышавъ эти слова, ввели посланцевъ въ свою крѣпость. Всѣ командиры и уважаемые старики устроили совѣщаніе по этому поводу и рѣшили сдаться. Тогда сибинцы взяли печати ротныхъ командировъ и оружіе солдатъ и сдали все это Эмиръ-хану.

Послѣ этого Эмиръ-ханъ-ходжа отправился къ четвертой ротѣ, съ которой также успѣшно договорился. А затѣмъ онъ пошелъ къ шестой ротѣ, гдѣ жилъ ухэрида. Эмиръ-ханъ-ходжа послалъ переводчиковъ Боро и Вахабу, чрезъ которыхъ предложилъ ухэридѣ сдаться. Послѣдній на это отвѣтилъ, что онъ пошлетъ спросить цзянь-цзюня, и если тотъ разрѣшитъ сдаться, то сибинцы 6-й, 5-й и 7-й ротъ подчинятся таранчамъ; если же не дозволитъ этого, то сибинцы будутъ драться до послѣдней капли крови.

Эмиръ-ханъ-ходжа согласился на это, а также, по просьбѣ ухэриды, выдалъ пропускъ двумъ сибинцамъ, посланнымъ ухэридою къ цзянь-цзюню, и назначилъ имъ въ провожатые 2-хъ таранчей изъ своего войска.

Когда посланные ухэридою сибо прибыли въ г. Хуй-юань-чэнъ и передали цзянь-цзюню донесеніе ухэриды, а также доложили ему о положеніи 6-й роты и объ обстоятельствахъ сдачи прочихъ сибинскихъ ротъ, то цзянь-цзюнь, обсудивъ дѣло, разрѣшилъ сибинскому ухэридѣ вступить въ соглашеніе съ бунтовщиками. Ухэрида, получивъ такое разрѣшеніе, сдался таранчамъ, выдавъ имъ печати, а также оружіе солдатъ¹⁾.

VIII.

Подчинивъ таранчинскому султану всѣ сибинскія роты, Эмиръ-ханъ-ходжа съ войскомъ возвратился въ г. Кульджу, гдѣ далъ ему отдохнуть нѣсколько дней, а затѣмъ повелъ свое войско²⁾ возлѣ горъ къ сѣверу отъ г. Кульджи для покоренія солонцовъ, которые въ это время уже знали о подчиненіи сибинцевъ таранчинскому султану и совѣщались между собою относительно изъявленія покорности Эмиръ-ханъ-ходжѣ. Прибывъ къ солонцамъ, онъ послалъ къ нимъ таранчинца, говорившаго по-маньчжурски, который отъ лица Эмиръ-хана обратился къ нимъ со слѣдующею рѣчью:

1) По словамъ Лю-цунь-ханя, который какъ разъ находился въ это время въ 6-ой ротѣ, мусульмане согласились на слѣдующія условія капитуляціи сибо: 1) сибо сохранять свое одѣяніе и ученіе, 2) мусульмане 2 родовъ (таранчи и дунгане) не будутъ вступать въ браки съ сибо и 3) сибинцы не будутъ посылаться въ битву съ дай-цинскими войсками. Эти условія были формулированы на словахъ, при чемъ мусульмане поклялись на коранѣ въ томъ, что не нарушать условій (Вл. К.).

2) Въ этомъ предпріятіи дунгане также не участвовали.

«Теперь сибинцы уже подчинились намъ. Мы воюемъ единственно съ китайцами и маньчжурами гор. Хуй-юань-чэна. Съ вами же у насъ вражды нѣтъ. Нападать и убивать васъ мы не желаемъ. Если теперь мы вступимъ въ соглашеніе и откажемся отъ борьбы, то это будетъ весьма угодно небу».

Солонскіе старики и чиновники обрадовались такому предложенію. Выйдя изъ своей крѣпости, они заключили съ Эмиръ-ханомъ договоръ¹⁾. Договорившись съ солонами, Эмиръ-ханъ-ходжа возвратился со своимъ войскомъ старою дорогою въ г. Кульджу. А въ это время солонскій ухэрида Чишань убѣжалъ въ мѣстность Тургунъ. Солоны же, (собственно) четыре роты дахуръ остались жить возлѣ города Хоргоса.

IX.

Покопчвъ съ сибинцами и солонами, таранчи и дунгане приступили къ осадѣ г. Хуй-юань-чэна, построивъ крѣпости на сѣверномъ краю города. Такъ какъ возстаніе началось въ то время, когда таранчи не доставили еще положеннаго количества хлѣба, то теперь въ г. Хуй-юань-чэнѣ оказался недостатокъ въ продовольствіи. Насталъ сильный голодъ, во время котораго люди съѣли всю живность, не оставивъ даже кошекъ и собакъ; съѣли даже все сдѣланное изъ кожи, а также тетиву отъ луковъ, которые были взяты изъ казеннаго склада. Въ концѣ концовъ осажденные дошли до такого состоянія, что стали ѣсть дѣтей, вымѣнивая ихъ другъ у друга. Многіе умерли съ голода.

Но вотъ 23-го числа 1-й луны 5-го года Тунъ-чжи, послѣ 4-мѣсячной осады, дунгане и таранчи разрушили сѣверныя ворота и, войдя ночью въ городъ, подожгли деревянныя постройки и начали всѣхъ убивать. Гарнизонъ не могъ оказать никакого сопротивленія магометанамъ, такъ какъ люди настолько изголодались, что не могли держаться на ногахъ и падали на ходу. Только запершіеся въ ямынѣ цзянъ-цзюня ссыльные китайцы, въ количествѣ 300 человекъ, оказали сопротивленіе: они три дня и три ночи подрядъ отчаянно отбивались отъ таранчей и дунганъ. И, наконецъ, храбро сражаясь съ ними, жертвуя своею жизнью, китайцы успѣли прорваться чрезъ западныя ворота крѣпости и бѣжали къ Хоргосу. Самъ цзянъ-цзюнь Минъ поджогъ пороховъ въ своемъ домѣ и взлетѣлъ на воздухъ вмѣстѣ со своей семьей.

Отставленнаго отъ должности цзянъ-цзюня Чана, не успѣваго вер-

1) Подобно сибинцамъ, солоны выговорили себѣ право не платить податей таранчамъ, а Эмиръ-ханъ-ходжа, съ своей стороны, обязался не вводить въ солонскія роты таранчей. Солоны сдали означенному командиру оружіе своихъ солдатъ и казенныя печати.

путься къ себѣ на родину, таранчи захватили вмѣстѣ съ его семьей, а также взяли въ плѣнъ и. д. сибинскаго мэнь-амбаи Ургуна, отличившагося во время сраженія подъ г. Суйдиномъ. Чана таранчи увезли въ г. Кульджу; здѣсь обрили ему голову, затѣмъ одѣли въ овчинный тулупъ шерстью вверхъ, на ноги обули войлочные сапоги и въ такомъ видѣ посадили на осла, лицомъ къ хвосту, и возили по улицамъ Кульджи на посмѣянiе народу. А затѣмъ приказали несчастному Чану пасти быковъ. Но когда Чанъ рѣшительно заявилъ таранчинскому султану, что онъ охотнѣе умереть, чѣмъ будетъ пасти скотъ, султанъ, сжалившись надъ нимъ, освободилъ его отъ такого позорнаго занятiя, далъ ему квартиру, гдѣ Чанъ поселился съ женою и 2 дочерьми, и отпускалъ имъ продовольствiе. Вскорѣ Чанъ и его жена умерли, а дочери вышли замужъ за таранчей.

Во время взятiя города одинъ китайскiй судейскiй чиновникъ (ли-ши-тунъ-чжи), по имени Чунъ-шанъ (ямынь его находился въ восточной части города), съ мечомъ въ рукахъ боролся съ таранчами и дунганями, входившими уже въ сѣверныя ворота; со словами на устахъ: «разъ я получаю отъ Государя жалованье, то и умру за него!» онъ палъ, сраженный ударомъ копья въ грудь.

Въ г. Хуй-юанъ-чэнъ въ то время было 4.000 маньчжуровъ-всадниковъ, а съ пѣхотой, вольными людьми, женщинами и дѣтьми— всего 12.000 слишкомъ человекъ. Дунгане и таранчи, ворвавшись въ городъ, избивали ослабѣвшихъ отъ голода маньчжуровъ. Изъ всего населенiя города дунгане и таранчи пощадили только молодыхъ женщинъ, дѣвушекъ и мальчиковъ не старше 20 лѣтъ, — всего около 2.000 человекъ; ихъ таранчи и дунгане взяли себѣ въ добычу.

Очевидно, Хуй-юанъ-чэнъ палъ потому, что такова была воля неба. Въдъ маньчжуры въ теченiе 100 лѣтъ жили безопасно и развратно въ городѣ, ѣдя хлѣбъ, доставлявшiйся имъ таранчами, и получал отъ Государя приличное жалованье. Они возгордились чрезмѣрно, а поэтому внуки пострадали за ошибки своихъ предковъ.

Когда таранчи и дунгане 23 числа 1-й луны 5-го года Тунъ-чжи вошли въ крѣпость и подожгли ее, то поднимавшееся пламя было видно въ 1-й и 3-й сибинскихъ «ниру». Старика и молодые 3-й роты, въ которой я жилъ, взобравшись на высокую земляную насыпь, паходящуюся внутри города¹⁾, смотрѣли на зарево пожара; старики и другiе громко плакали. Многiе го-

1) Объ этой насыпи авторъ разсказа говоритъ въ маньчжурскомъ текстѣ слѣдующее: «Когда и по какой причинѣ была сооружена эта насыпь, теперь никто не знаетъ. Когда я былъ молодъ, на этой насыпи, посреднѣ ея, находилось знамя съ духовными письменами. По разсказамъ стариковъ, однажды ночью въ восточной части насыпи

ворпли слѣдующе: «Генеръ палъ г. Хуй-юань-чэнъ... Неизвѣстно, какъ поступать съ нами таранчи и дунгане». Я былъ въ то время очень молодъ и не вникалъ серьезно въ положеніе дѣлъ. Но впечатлѣніе, вынесенное въ ту ночь изъ созерцанія громаднаго зарева, поднимавшагося со стороны пылавшаго г. Хуй-юань-чэна, — хранится и до сихъ поръ въ моей памяти.

Уничтоживъ маньчжурскій гарнизонъ въ г. Хуй-юань-чэнъ и завладѣвъ имуществомъ побѣжденныхъ, таранчи и дунгане почувствовали себя полными господами въ Илійскомъ краѣ и сильно возгордились.

Х.

Вслѣдъ за взятіемъ города Хуй-юань-чэна таранчи взяли города: Суйдинъ, Цинъ-шуй-хэ, Лао-цао-гоу, Тарджи и Хоргосъ. Во всѣхъ этихъ городахъ были незначительные китайскіе гарнизоны, которые почти всѣ добровольно сдались таранчамъ и дунганамъ; не сдавшихся добровольно побѣдители или убивали или обращали въ магометанство, брея имъ голову. Итакъ, дунгане и таранчи взяли въ Илійскомъ краѣ слѣдующіе китайскіе и маньчжурскіе крѣпости и города: Си-чунъ-чэнъ (Чэнъ-пань-цзы, что въ 4-хъ верстахъ отъ города Кульджи), Баянтай (Хуй-нинъ-чэнъ), Хуй-юань-чэнъ, Суйдинъ, Лао-цао-гоу (Гуанъ-жэнь-чэнъ), Цинъ-шуй-хэ-цзы (Чжанъ-дэ-чэнъ), Тарджи и Хоргосъ (Гунъ-чэнъ-чэнъ или Чэнъ-пань-цзы). Съ городомъ Кульджей, въ которомъ мусульмане истребили почти всѣхъ китайцевъ¹⁾, таранчи и дунгане имѣли въ своемъ полномъ владѣніи девять городовъ.

Въ Хоргосѣ жили 4 роты дахуровъ, составлявшихъ лѣвое крыло солонскаго лагеря²⁾. Когда таранчи и дунгане послѣ взятія г. Хуй-юань-чэна пришли къ Хоргосу, то нашли тамъ только китайцевъ, которыхъ и убили. Солоны же (собственно дахуры), узнавъ, что г. Хуй-юань-чэнъ неизменно долженъ пасть, всѣ, въ составѣ 4 ротъ, бѣжали и, пройдя Тургунъ³⁾, поселились въ Боро-худзирѣ⁴⁾, недалеко отъ находившихся тамъ

неожиданно появилась разсѣлина, при чемъ на одномъ боку разсѣлины оказались духовныя монгольскія письма. Пока искали человѣка, который бы зналъ эти письма, они отъ вѣтра разрушились. Такъ и осталось неизвѣстнымъ содержаніе надписи» (Вл. К.).

1) Населеніе г. Кульджи состояло главнымъ образомъ изъ таранчей; здѣсь же проживала таранчинская администрація.

2) Правое крыло составляли 4 роты сибинцевъ, вызванныхъ изъ 8 зарѣчныхъ ротъ на мѣсто вымершихъ онкоровъ. Но какъ дахуры, жившіе въ г. Хоргосѣ, такъ и сибинцы, жившіе въ Чэджи, Самарѣ (Джаркентѣ), Чичиканѣ и Тургунѣ, назывались и называются вообще солонами. Лагерь въ Тургунѣ представлялъ собою небольшое укрѣпленіе; въ другихъ же сибинскихъ лагеряхъ (Чэджи, Самарѣ, Чичиканѣ) стѣнъ не было.

3) Тургунъ находится въ 11 верстахъ отъ г. Джаркента по дорогѣ въ г. Вѣрный.

4) Ст. Боро-худзиръ — въ 18 верстахъ отъ г. Джаркента.

русскихъ. Солонскій же ухэрида Чишань, послѣ ухода Эмпирь-хань-ходжи изъ солонскихъ ротъ, но еще до осады г. Хуй-юань-чэна, бѣжалъ въ Тургунь.

Послѣ взятія таранчами и дунганями г. Хуй-юань-чэна, таранчинскій султанъ приглашалъ солонскаго ухэриду и другихъ чиновниковъ возвратиться на старыя мѣста. Но солоны (дахуры) не послушали султана. Тогда онъ въ 12-й лунѣ 5-го года Тунъ-чжи послалъ громадную толпу таранчей и дунганъ, съ присоединеніемъ еще киргизовъ — любителей пограбить, съ тѣмъ, чтобы они вернули солоновъ. Магометане, распуская ложные слухи о томъ, что они схватятъ только ухэриду и вернуться въ Кульджу, (синокойно) прошли мимо сибирскихъ ротъ, находившихся въ Чѣджи, Самарѣ и Чичиканѣ. Возлѣ каждой роты они оставляли военные отряды. Наконецъ, главный отрядъ, идя на западъ, приблизился къ Тургуну въ надеждѣ захватить тамъ ухэриду¹⁾, но онъ еще ранѣе, услыхавъ, что изъ г. Кульджи идутъ магометане, бѣжалъ къ русскимъ въ Боро-худзирь. Таранчи и дунгане, боясь русскихъ, не могли схватить солонскаго ухэриду.

Разсерженные дунгане и таранчи рѣшили уничтожить солоновъ праваго крыла (т. е. сибо). Для этого дунгане и таранчи окружили солонскія роты въ Чѣджи и Самарѣ, какъ самыя близкія къ Хоргосу. Магометане устроили совѣщаніе для обсужденія плана нападенія, при чемъ рѣшили въ полночь 23 числа 12-й луны напасть на солонскія роты. Солоны — старики и юноши — въ Чѣджи и Самарѣ, окруженные магометанами, видя безысходность своего положенія, съ плачемъ взирали на небо. Старики въ Чѣджи растворили опиумъ въ котлѣ и научили всѣхъ такъ: «Что будетъ въ эту ночь, трудно знать. Если однако будетъ плохо, то всѣ выпьемъ этого опиума и умремъ, избавившись такимъ образомъ отъ мусульманскаго плѣна».

Въ полночь дунгане и таранчи вошли въ вышеуказанныя двѣ роты. Всѣ солоны собрались на одномъ большомъ дворѣ. Часть мужчинъ вступила въ бой и погибла, но большинство бѣжало еще до начала сраженія. Въ Чѣджи солонскія женщины, дѣвушки и дѣти выпили опиума. Но кто много выпилъ, тотъ извергнувъ все обратно и остался въ живыхъ; тѣ же, кто, боясь умереть, выпили немного, всѣ умерли. Оставшихся въ живыхъ женщинъ, дѣвушекъ и дѣтей обоего пола таранчи захватили себѣ въ качестве добычи.

Такимъ образомъ селенія Чѣджи и Самаръ въ одну ночь были разру-

1) Ухэрида потому укрывался у сибо, что и самъ происходилъ изъ племени сибо, а не изъ дахурь.

шены и опустѣли. Солоны же изъ Чичикана и Тургуна успѣли бѣжать къ русскому гарнизону въ Боро-худзирь. Впослѣдствіи половина солоновъ ушла въ Тарбагатай, а прочіе остались въ Боро-худзирѣ и Тургунѣ, куда солоны, по уходѣ таранчинцевъ, снова возвратились и занялись хлѣбопашествомъ ¹⁾.

Итакъ, таранчи и дунгане, благодаря безопасности цзянь-цзюня Мина и всѣхъ чиновниковъ, очень легко завладѣли такими большими крѣпостями, какъ Баянтай и Хуй-юань-чэнъ. Но если бы до возстанія маньчжурскіе и китайскіе чиновники любили дунганъ и таранчей, то дѣло никомъ образомъ не дошло бы до такого бунта. Когда же возстаніе уже началось, китайско-маньчжурскія войска, несомнѣнно, побѣдили бы бунтовщиковъ, если бы офицеры любили солдатъ, если бы они здраво все обдумывали, если бы они геройски шли впередъ, а не прятались позади солдатъ, и если бы сами солдаты храбро сражались со смѣлыми бунтовщиками. На дѣлѣ же офицеры нисколько не заботились о своихъ солдатахъ, а за малѣйшую провинность жестоко ихъ наказывали. Среди офицеровъ не было ни одного, который бы на погѣ сраженія храбро шелъ впередъ, увлекая за собою солдатъ. Напротивъ того, когда дѣло доходило до сраженія, командиры заботясь о своей жизни, скрывались, бросая солдатъ на произволь судьбы.

XI.

Спустя три года послѣ взятія г. Хуй-юань-чэна между таранчами и дунганами возникла междоусобная война. Тѣ и другіе стали оспаривать другъ у друга господствующее положеніе (въ Илійскомъ краѣ). Дунгане говорили: «Если бы мы не произвели возстанія, то вы, таранчи, сотню, тысячу лѣтъ оставались бы все такими же таранчами. Какъ вамъ владѣть надъ Или?»

Таранчи же (въ свою очередь) говорили: «Хотя бы маньчжуры, выгнавъ васъ, дунганъ, изъ г. Хуй-юань-чэна, и не убили, но если бы не было насъ, таранчей, то вы все-таки померли бы съ голода. Теперь вы, благодаря нашей силѣ, сохранили свою жизнь. А потому гдѣ вамъ владѣть нами?»

Изъ-за этого и возникли между дунганами и таранчами несогласія.

Такъ какъ въ то время дунгане владѣли городами: Урумчи, Гучэнномъ, Манасомъ и другими, то плійскіе дунгане просили помощи у урумчискихъ

¹⁾ Теперь эти солоны живутъ въ китайскихъ предѣлахъ около Чэнъ-пань-цзы, въ особой крѣпости.

дунганъ, которые и прибыли въ Или. Таранчинскій султанъ Обуль-аля-багатуръ-газы, услышавъ о приходѣ дунганъ изъ Урумчи въ г. Хуй-юань-чэнъ, собралъ 10.000 своихъ таранчинскихъ солдатъ и, вызвавъ еще 500 пѣшихъ и конныхъ сибинцевъ, пошелъ къ крѣпости Баянтай, въ которой и расположился. Въ то время Баянтай, послѣ взятія его у маньчжуровъ, пустовалъ. Узнавъ отъ шпионовъ, что соединенное дунганское войско выступило изъ Суйдина и Хуй-юань-чэна по направленію къ Кульджѣ и остановилось лагеремъ на полдорогѣ, султанъ Обуль-аля на разсвѣтѣ выступилъ съ таранчами на встрѣчу дунганамъ. Собственно о ходѣ сраженія я хорошенъко не знаю, но вотъ что я слышалъ впоследствии отъ участниковъ сраженія.

Султанъ лично выступилъ съ войскомъ и, встрѣтившись съ дунганями близъ Баянтая, стремительно напалъ на нихъ, при чемъ самъ находился впереди. Въ то время какъ таранчи сражались, воодушевляемые (его примѣромъ), имъ на помощь пришелъ халпе, братъ султана, съ большою толпою таранчей, и тогда дунгане были на голову разбиты и въ паникѣ бѣжали по направленію къ г. Хуй-юань-чэну. Первыми бѣжали съ поля сраженія дунгане, пришедшіе на помощь изъ Урумчи. Они, захвативъ у илійскихъ дунганъ красивыхъ женщинъ и дѣвущекъ, бѣжали въ Урумчи. За этими дунганями бѣжали изъ-подъ Баянтая и илійскіе дунгане. Были среди нихъ такіе, которые посадили своихъ женъ и дѣтей на телѣги и столкнули ихъ въ р. Или¹⁾. Такъ злы дунгане! И если имъ совсѣмъ не жаль убивать собственныхъ женъ и дѣтей, то развѣ будутъ они жалѣть чужихъ женъ и дѣтей? Изъ этого видно, что сердце у нихъ сильно пропитано злобой.

Таранчи, разбивъ дунганъ, гнались за ними вплоть до г. Хуй-юань-чэна и Суйдина, при чемъ много дунганъ перебили и захватили въ плѣнъ. Когда на другой день прибылъ въ Хуй-юань-чэнъ таранчинскій султанъ Обуль-аля, онъ, собравъ своихъ таранчей, приостановилъ избіеніе дунганъ.

Хуй-юань-чэнъ послѣ этого совершенно опустѣлъ. А такъ какъ дунганъ осталось очень мало, то они и не жили въ г. Кульджѣ. Всего въ Или осталась тысяча слишкомъ дунганъ, а именно въ Суйдинѣ, Лао-цао-гоу и в Цинъ-шуй-хэ. Послѣ этого свирѣпость и злоба дунганъ сильно ослабли.

На основаніи изложеннаго (я) убѣдился, что всякій человекъ, когда его жестокость и злоба достигнуть крайнихъ предѣловъ, неизбежно поперсегъ наказаніе по волѣ неба.

1) Для того, чтобы жены и дѣти не достались побѣдителямъ-таранчамъ.

XII.

Сибинцы 8 ротъ сильно страдали отъ обременительныхъ таранчинскихъ повинностей. Хотя таранчи и не брали съ сибинцевъ податей въ видѣ хлѣба или денегъ, но когда нужно было строить казенныя зданія, нести службу при ямыняхъ таранчинскихъ бѣговъ или посылать солдатъ на развѣдки, то таранчи командировали также и сибинцевъ. А когда въ Или среди скота свирѣпствовала эпидемія, такъ что изъ 100 быковъ оставались одинъ или два, то и этотъ оставшійся скотъ таранчи отбирали на казенныя надобности, вслѣдствіе чего скота для работъ не хватало. Какъ же при такихъ условіяхъ сибинцы могли обрабатывать землю? Къ югу отъ р. Или сибинцамъ было не подъ силу обрабатывать даже $\frac{2}{10}$ или $\frac{3}{10}$ пахотной земли. И таранчи на нѣсколько лѣтъ завладѣли сибинской землей, обрабатывая которую они разбогатѣли, а сибинцы владели жизнью, служа у нихъ въ работникахъ. Сибинцы по своей одеждѣ напоминали пернатыхъ и животныхъ. Молодыя замужнія женщины и дѣвушки даже не имѣли чѣмъ прикрывать свои срамныя мѣста.

Въ то время ни откуда не привозили въ Илійскій край матерій, а потому (даже самые обезпеченные изъ сибинцевъ) не могли носить одежды изъ матерій¹⁾.

Въ то время сибинскій ухэрида Карманга²⁾ женилъ своего старшаго сына. На эту свадьбу ухэрида, для поддержанія дружбы съ таранчами, пригласилъ всѣхъ таранчинскихъ ахуновъ и бѣговъ, которые и прибыли въ домъ ухэриды. Среди женщинъ, подававшихъ гостямъ обѣдъ и чай, находилась одна чрезвычайно красивая сибинянка, родомъ изъ 5-й роты, бывшая замужемъ за сибинцемъ 6-й роты Валишанемъ. Прекрасныя брови ея были подобны длинному холму и доходили до висковъ. Хотя всѣ таранчинскіе бѣки съ восхищеніемъ смотрѣли на нее, но въ сердцѣ никакихъ намѣреній не возымѣли. Только одинъ бѣкъ Алимша страстно влюбился въ нее и захотѣлъ взять ее себѣ въ жены. Но онъ не могъ устроить этого, такъ какъ занималъ небольшую должность³⁾. Что онъ доложилъ таранчинскому султану по возвращеніи въ г. Кульджу, неизвѣстно, (но произошло слѣдующее). Такъ какъ султанъ по случаю женитьбы сына ухэриды

1) Насколько дорога была даже простая грубая матерія, привозимая съ юга, можно судить по тому, что кусокъ такой матеріи кашгарскаго происхожденія, длиною въ 5 ручныхъ сажень и шириною немного менѣе поларшина, стоилъ тогда, какъ говоритъ авторъ, 40 ланъ, т. е. около 80 р.

2) Ухэрида Карманга жилъ въ 6-й ротѣ.

3) Стало бытъ, не имѣлъ власти и силы отнять у мужа его законную жену.

Карманги сдѣлалъ ему подарки, то ухэрида послѣ окончанія свадьбы тотчасъ лично явился съ султану, чтобы выразить ему благодарность. На прощальной аудіенціи султанъ сказалъ ему слѣдующее: «Ты (красивую) женщину я возьму за себя замужъ, а за ея мужа отдайте не просватанную еще дѣвицу, всѣ расходы по этой свадьбѣ я несу самъ».

Ухэрида на это отвѣтилъ: «Хотя таранчи и другой вѣры съ нами, но разъ султанъ таранчей, ставъ владѣтелемъ Или, не гнушается нами, а хочетъ даже взять замужъ сибинянку, то мы чрезвычайно рады этому. Но что будетъ, если затѣмъ всѣ бѣки, подражая султану, станутъ брать такимъ образомъ нашихъ женъ?».

Тогда таранчинскій султанъ отдалъ приказъ, чтобы таранчинскіе бѣки не брали себѣ женъ у сибинцевъ.

Возвратившись въ свою роту, сибинскій ухэрида собралъ всѣхъ начальниковъ 8 ротъ на совѣщаніе по настоящему дѣлу. Сотники говорили неодинаково: одни говорили, что можно отдать (вышеупомянутую женщину), а другіе говорили—нельзя. Тогда ухэрида обратился къ начальникамъ ротъ со слѣдующею рѣчью: «У насъ теперь въ хлѣбныхъ магазинахъ осталось по кручулу зерна. Но это бы еще не бѣда! Если мы не исполнимъ требованія таранчей, то они въ одинъ мигъ уничтожатъ всѣ наши восемь ротъ. Изъ-за одной женщины развѣ можно погубить 20,000 душъ? Теперь въ восьми ротахъ пусть сибинцы возьмутъ замужъ всѣхъ дѣвицъ старше 15 лѣтъ, не взирая на то, просватаны ли онѣ или нѣтъ».

Послѣ этого было рѣшено отдать сибинянку Шуха, жену Валишана, замужъ за султана. Ухэрида привезъ ее (въ Кульджу), давъ ей такое наставленіе: «Съ древнихъ поръ случалось, что государи, ради пользы своего народа, въ годину его бѣдствій, отдавали своихъ дочерей во вражескую страну. И тебя мы отдаемъ съ тою цѣлю, чтобы ты непременно всѣмъ сердцемъ заботилась о (сохраненіи) жизни 20,000 сибинцевъ, живущихъ къ югу отъ рѣки, и приобрѣла расположеніе султана. Когда насъ будутъ очень притѣснять, я пошлю тебѣ вѣсточку, и ты помоги намъ, повліявъ на султана».

Хотя сибинцы жили въ бѣдности и бѣдѣ, но ради спасенія своей жизни они исполняли усердно всякую службу, на какую ихъ назначали таранчи. Несмотря на это, вскорѣ таранчи задумали совершенно уничтожить сибинцевъ.

Среди таранчей пользовался особымъ уваженіемъ таранчинецъ, посившій званіе «халпе»¹⁾. Завладѣвъ самовольно лучшими угодыями въ

1) Это былъ упомянутый выше Шамс-эддинъ, сынъ Худай-кула.

разныхъ таранчинскихъ деревняхъ, онъ распахивалъ землю, не платя никакой подати; напротивъ, другіе таранчи платили ему подать и почтительно исполняли всякія его приказанія, считая ихъ какъ бы нисшедшими съ неба. Прочіе таранчи даже не смѣли крикнуть на дворовыхъ собакъ этого халпе, — настолько его уважали.

Собравъ однажды самовольно таранчинскихъ солдатъ, халпе оповѣстилъ всѣхъ таранчей, что если не убить сейчасъ зарѣчныхъ сибинцевъ, то впоследствии они обязательно причинятъ таранчамъ много бѣдъ. Послѣ этого онъ самъ повелъ собранное войско за р. Или. Въ то время рѣка замерзла, и лошадь халпе, вступивъ на ледъ задними копытами, далѣе не пошла. Тогда халпе, слѣзши съ лошади, сталъ позади ея и началъ ударять кнутомъ. Лошадь, собравшись съ силами, прыгнула со льда на берегъ, но при этомъ лягнула халпе въ сердце. Такъ халпе и не могъ переправиться на южный берегъ рѣки и вернулся домой¹⁾, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Ухэрида, взявши сибинскихъ начальниковъ, отправился навѣстить трупъ халпе. Кланяясь трупу, ухэрида такъ думалъ: «Ты теперь умеръ и тѣмъ избавилъ сибинцевъ отъ великой бѣды». Радуюсь такимъ образомъ, ухэрида однако передъ трупомъ халпе непрерывно проливалъ слезы, которыя падали подобно дождю.

Таранчинскіе бэки, видя, что ухэрида такъ сильно горюетъ и плачетъ, сами растрогались, зарыдали и, выйдя впередъ, увѣщаніемъ убѣдили ухэриду прекратить рыданія. Потомъ бэки говорили: «Разъ ухэрида такъ горько плачетъ о смерти нашего халпе, то, стало быть, сибинцы искренне покорились намъ, таранчамъ. Нашъ халпе не зналъ этого и, подозрѣвая, что вы, сибинцы, имѣете особые замыслы, рѣшилъ переправиться черезъ рѣку и перебить васъ. Но небо не допустило до этого и самому ему причинило смерть. Ныпѣшняя скорбь ухэриды искренняя. Въ этомъ дѣлѣ халпе дѣйствительно былъ неправъ».

Когда ухэрида вернулся къ себѣ домой, то сибинскіе офицеры стали спрашивать его, почему вчера онъ такъ горько плакалъ передъ трупомъ халпе.

На это ухэрида отвѣтилъ: «Если бы этотъ таранчинецъ не умеръ, то онъ причинилъ бы намъ много бѣдъ. Поэтому я и плакалъ такъ отъ радости, думая про себя: благодаря твоей смерти, халпе, 20,000 слишкомъ сибинцевъ сохранили жизнь». Всѣ сибинскіе офицеры много смѣялись этимъ словамъ ухэриды.

1) Въ селеніе Арустанъ, въ 20 верстахъ къ юго-востоку отъ г. Кульджи.

Послѣ смерти вышеупомянутаго халпе ему наслѣдовалъ въ званіи халпе его старшій сынъ¹⁾, захотѣвшій также уничтожить сибинцевъ. И вотъ, когда таранчинскій султанъ отправился на богомолье на мусульманское кладбище (мазаръ), находящееся у рѣки Кашъ, что къ востоку (отъ г. Кульджи)²⁾, то младшій «халпе», воспользовавшись этимъ случаемъ, рѣшилъ истребить сибинцевъ.

Но мать «халпе» сказала ему: «Хотя всѣ девять городовъ Илійскаго края и запустѣли, но къ югу отъ рѣки все-таки осталось цѣлое племя. Ясно, что (само) небо сохранило этихъ людей. Твой отецъ захотѣлъ истребить ихъ, но, наоборотъ, самъ умеръ раньше. Теперь, если ты не измѣнишь своего намѣренія, то какъ бы и съ тобой не случилось какого-нибудь несчастія, какъ и съ твоимъ отцомъ». Но молодой халпе, не послушавшись матери, собралъ войско и, переправившись черезъ рѣку Иля, пошелъ къ мазару, находящемуся въ мѣстности Доланту, чтобы условиться относительно избіенія всѣхъ сибинцевъ съ жившимъ къ югу отъ р. Иля въ таранчинскомъ селѣ Кальджатъ³⁾ таранчинскимъ шанбѣкомъ, по имени Тогулакъ. Онъ завѣдывалъ 12 южными таранчинскими селеніями. Изъ среды тамошнихъ таранчей это былъ первый богатъ: лицо у него было багроваго цвѣта; будучи высокимъ и полнымъ, онъ выдѣлялся изъ ряда прочихъ таранчей величественной осанкой. Такъ какъ долантускій мазаръ былъ недалеко отъ Кальджата, то халпе, пославъ къ этому Тогулаку чело-вѣка, пригласилъ его къ себѣ и сказалъ ему слѣдующее:

«Ты, условившись со мною, помоги мнѣ. Если мы теперь не уберемъ всѣхъ сибинцевъ, то въслѣдствіи они обязательно причинятъ намъ, таранчамъ, много горя». На это Тогулакъ отвѣтилъ:

«За этими сибинцами не имѣется никакой вины, да и вражды у насъ съ ними съ самаго пачала не было. (Напротивъ того) въ мишувшіе года всякій разъ, когда случалось, что за отсутствіемъ горной воды нельзя было орошать землю, южные таранчи всегда находили у нихъ поддержку. Если подумать объ этомъ, то это похоже на то, какъ бы мы вмѣстѣ съ ними ѣли пищу изъ одного котла. И теперь мы съ ними, сибинцами, не враждуемъ. Если мы уберемъ безъ причины людей, созданныхъ небомъ, то какъ бы это не оказалось несогласнымъ съ волею неба».

1) Его имя: Камер-эддинъ Шамс-эдиновъ.

2) Это такъ называемый «восточный мазаръ», гдѣ находится могила султана Вейса; онъ расположенъ въ 55 верстахъ отъ Кульджи по правую сторону р. Каша, за рѣчкой Борбогосунъ (если ѣхать отъ Кульджи) и называется поэтому также «Борбогосунъ мазаръ». (См. Федоровъ, *op. cit.*, I, стр. 17. Вл. К.).

3) Въ текстѣ — «Галджату». (Вл. К.).

Такъ какъ однако халпе упорствовалъ (не согласился), то Тогулакъ сказалъ:

«Если халпе дѣйствительно задумалъ такъ, то я вмѣстѣ со своими таранчами изъ 12 южныхъ деревень соединюсь съ сибинцами 8 ротъ, и мы вмѣстѣ съ ними перейдемъ рѣку и будемъ воевать съ таранчами, живущими къ сѣверу отъ рѣки».

Халпе оказался въ затруднительномъ положеніи и не зналъ, что дѣлать. Между тѣмъ сибинскій ухэрида Карманга, узнавъ объ этомъ дѣлѣ, спѣшно и тайно послалъ дядю взятой султаномъ сибивянки къ ней со словами: «Теперь сибинцамъ скоро будетъ конецъ. Помогни и защити!» Жена султана Шуха тотчасъ отправила къ кашскому (восточному) мазару къ султану человѣка передать ему вышеозначенное извѣстіе. Услышавъ это, султанъ спѣшно возвратился въ г. Кульджу и немедленно отправился (далѣе), мѣняя лошадей. Ночью онъ перешелъ р. Или, направился въ долантускій мазаръ и приказалъ халпе и всему собравшемуся таранчинскому войску вернуться домой.

Въ 12-й лунѣ 9 года Тунъ-чжи¹⁾ таранчи распустили ложный слухъ, что въ 1-ю и 3-ю сибинскія роты пришли русскіе. Султанъ, услышавъ объ этомъ, сталъ однако сомнѣваться, вѣрить ли ему или не вѣрить (тому слуху). Въ виду этого онъ командировалъ (въ означенныя роты) нѣсколько бэковъ съ солдатами. Посланному же вмѣстѣ съ ними своему младшему брату шанбэку Муктуру онъ далъ слѣдующую инструкцію: «Ты понапрасну не прятая сибинцамъ зла, а то нарушишь волю неба и войдешь въ противорѣчіе съ моими намѣреніями. Ты тщательно узнай, правда или нѣтъ (то, что говорятъ о сибинцахъ), и затѣмъ немедленно возвращайся».

Таранчи, въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, придя въ 12 мѣсяцѣ, въ морозъ, въ 1-ю сибинскую роту, выгнали изъ домовъ одного квартала всѣхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, при чемъ бѣки размѣстили въ этихъ домахъ своихъ солдатъ. (Сибинцы), доставляя таранчамъ въ пищу барановъ, а ихъ лошадямъ — фуражъ, пришли въ крайнюю нужду. Таранчи днемъ и ночью, набравъ сибинцевъ, умѣвшихъ разыгрывать піесы, заставляли ихъ (сибинцевъ) забавлять себя. Хотя прошло полмѣсяца, но таранчи не возвращались домой. Тѣмъ временемъ къ сибинскимъ построикамъ подошли таранчи изъ южныхъ селъ вмѣстѣ съ киргизами и стали готовиться къ грабежу.

Такъ какъ сибинцы очутились въ безвыходномъ положеніи, то командиръ 1-й роты Мурунга два раза ѣздилъ въ Кальджатъ къ Тогулаку. Но

1) Въ самомъ концѣ 1870-го или въ началѣ 1871-го года.

Тогулакъ, давъ понять, что султанъ, послушавшись нѣкоторыхъ таранчей, понапрасну послалъ своихъ солдатъ, самъ къ сибинцамъ не пошелъ. Тогда Мурунга еще разъ поѣхалъ къ Тогулаку и обратился къ нему съ такою слезною просьбою: «Когда вы, шанбэкъ, подумавъ о томъ, что бѣдные и неимущіе люди (сибинцы) въ холодъ не имѣютъ пристанища, сжалитесь и сами своей высокой особой пойдете (къ намъ) и отошлете домою пришедшихъ къ намъ таранчинскихъ солдатъ, то всѣ, старые и малые, изъ обѣихъ ротъ, приблизившіеся къ смерти, будутъ вѣчно помнить о таковой помощи вашей, шанбэкъ».

Когда Мурунга такъ неотступно умолялъ Тогулака, онъ, наконецъ, отправился вмѣстѣ съ командиромъ 1-й роты въ 1-ю и 3-ю сибинскія роты.

Тогулакъ, увидѣвъ младшаго брата султана Муктура и бэковъ, приведшихъ съ собою солдатъ изъ г. Кульджи, спросилъ ихъ: «Вы зачѣмъ въ такой холодъ пришли сюда съ войскомъ, выгнали бѣдняковъ изъ ихъ жилищъ и позволили нашимъ людямъ завладѣть этими жилищами? Что именно за причина этому?»

Бэки на это отвѣтили: «Султанъ, давъ намъ солдатъ, послалъ насъ сюда по той причинѣ, что онъ, услышавъ о приходѣ въ эти двѣ роты русскихъ, захотѣлъ провѣрить это». Тогулакъ на это отвѣтилъ слѣдующее: «Я и самъ отлично знаю, что здѣсь дѣйствительно есть русскіе, но ихъ немного, всего только три человѣка. Если вы спросите, кто они, то это, во-первыхъ, таранчинецъ Токо изъ Кетмена, командированный султаномъ для наблюденія за тѣмъ, чтобы злонамѣренные таранчи, придя въ 1-ю и 3-ю роты, не безчинствовали здѣсь. Второй — это вповь назначенный султаномъ помощникъ ротнаго командира (чжэрги чжангин) сибинецъ Боро. И третій — это сибинецъ 3-й роты, переводчикъ Опоръ. Вотъ они трое и суть русскіе. Они-то распускаютъ разнообразныя ложныя слухи. Если ихъ казнить, то никакихъ вопросовъ возникать не будетъ. И если бы подобное дѣло было, то какъ же это я, живущій недалеко отсюда, не зналъ бы объ немъ? Говорить же, что вы, живя въ г. Кульджѣ, прежде меня услышали о подобныхъ вѣстяхъ, развѣ это не ложь? (Что касается сибинцевъ), то они теперь впали въ крайнюю бѣдность. Хотя бы вы истребили ихъ, вы не найдете у нихъ никакого имущества, которое можно было бы взять. Можете захватить только ихъ женъ и дѣтей, — ничего другого у нихъ нѣтъ. Наши таранчи, овладѣвъ всѣми 9 илійскими городами, награбили не мало добра. Вѣдь сибинцы съ самаго начала, обрабатывая землю, сами прокармливали себя¹⁾ и

1) Таранчи не платили сибинцамъ податей.

не враждовали съ нами. Почему же напрасно желать убивать ихъ, нарушая законы неба? Если поступить такъ, то кто знаетъ, можетъ быть, впоследствии и насъ истребятъ».

Баки на это не возразили ни слова. А на утро Мукуртъ, объявивъ солдатамъ о немедленномъ отступленіи, выступилъ въ обратный путь въ гор. Кульджу.

Послѣ этого сибинцы, не имѣя одежды, стали сѣять хлопокъ и ткать матеріи. Съ этой поры они начали носить одежду изъ бумажной матеріи.

XIII.

На слѣдующій (1871) годъ, въ третьей лунѣ, таранчи услышали, что русскіе солдаты находятся около Хоргоса, что къ сѣверу отъ р. Или. Услышавъ объ этомъ, таранчи испугались и, собравъ большое войско, включая сюда 500 сибинцевъ, пошли къ г. Хоргосу. Они окружили русскихъ, остановившихся въ одномъ пустомъ дворѣ, (обнесенномъ стѣной), между Хоргосомъ (= Чанъ-пань-цзы) и Мазаромъ¹). Этотъ дворъ былъ первоначально устроенъ таранчами. Такъ какъ русскихъ было очень мало, — 90 человекъ пѣхоты да 45 сибинцевъ и солонцовъ, всего свыше 100 человекъ, а таранчей было очень много, то русскіе не могли проникнуть въ Или, а стали отступать. Таранчи, слѣдуя за русскими съ двухъ сторонъ на почтительномъ разстояніи, вынудили ихъ перейти р. Хоргосъ. Затѣмъ таранчи возвратились обратно въ г. Кульджу, возвѣстивъ всюду, что русскіе бѣжали, и потрясли Илійскій край радостными кликами.

Послѣ этого русскіе вошли въ таранчинское селеніе Добонъ, что къ югу отъ р. Или, и прежде чѣмъ таранчинскіе солдаты пришли туда, русскіе поднялись выше (то - есть къ горамъ) и прошли черезъ таранчинскія селенія Дардамту, Шонкоръ, а затѣмъ черезъ Большой Ачанохъ и Малый Ачанохъ и приблизились къ Кетменю²). Тогда жившіе въ названныхъ селахъ таранчи съ семьями бѣжали къ востоку. Поднялся настолько сильный плачь и шумъ, что эхо разносилось въ южныхъ горахъ.

1) Это «западный мазаръ» — самое большое старинное мусульманское кладбище. На немъ имѣются «несторіанскіе» камни, съ высѣченнымъ крестомъ и сирійскими письменами. (Описаніе этого мазара, не вполне удачно, имѣется въ трудѣ В. В. Бартольда: «Отчетъ о поѣздкѣ въ Среднюю Азію. 1893—1894 гг.», СПб., 1897. = Зап. Имп. Акад. Наукъ VIII сер., т. I, № 4, стр. 65 и слѣд. Ср. Зап. Вост. Отд. XV, стр. 0132 и XVI, стр. XIV. О несторіанскихъ камняхъ см. статьи П. К. Коковцова въ «Зап. Вост. Отд.», т. XVI, стр. 0190—0200 и въ «Изв. Акад. Наукъ», 1907, стр. 427—458. Вл. К.).

2) Всѣ эти пункты находятся теперь въ русскихъ предѣлахъ.

Таранчи собрали всѣхъ своихъ солдатъ и напали на русскихъ, но были отгѣснены. Таранчи въ ту же ночь устроили совѣщаніе, при чемъ было рѣшено выбрать изъ своей среды 500 удалыхъ таранчей, которые бы сражались до смерти, не отступая. Эти таранчи должны были надѣть для отличія на головы бѣлыя чалмы, въ ту же ночь обойти кругомъ русскій лагерь и напасть на него съ противоположной стороны, тогда какъ главныя силы таранчей напали бы на русскихъ съ этой стороны.

Какъ только настала глубокая ночь, 500 пѣшихъ таранчей, рѣшившихся умереть въ сраженіи, пошли впередъ; за ними пошла прямо на русскій лагерь главная масса таранчей¹⁾.

Когда ушедшіе впередъ пѣшіе таранчи подошли близко къ русскому лагерю, то тамъ не было слышно ни звука. Но таранчи, замѣтивъ, что русскіе, съ ружьями въ рукахъ, приготовились (ихъ встрѣтить), не рѣшились войти въ русскій лагерь и стали отступать въ свой лагерь. Возвращаясь, они столкнулись съ главнымъ отрядомъ таранчей, при чемъ обѣ толпы таранчей, принявъ другъ друга за русскихъ, сразились между собою. Но потомъ глупые таранчи узнали по голосу другъ друга и, глядя на небо, начали вздыхать.

Я, авторъ этой книги, хорошо знаю все это потому, что въ рядахъ таранчинскаго войска былъ мой старшій братъ, отъ котораго я и слышалъ вышеизложенное.

Русскіе солдаты послѣ этого двинулись и находились уже недалеко отъ Кальджата, какъ вдругъ въ одну ночь они ушли обратно. А почему они такъ сдѣлали, я не знаю. Таранчи, думая, что русскіе, быть можетъ, возвратятся, стали лагеремъ.

Но велѣдъ за этимъ Колпаковскій, прибавивъ къ пѣхотѣ тысячу кавалеристовъ, самъ вмѣстѣ съ пѣхотою, кавалеріею и артиллерійскимъ отрядомъ, съ пушками на лафетахъ, прибылъ къ Хоргосу²⁾, что къ сѣверу отъ р. Или, гдѣ и остановился лагеремъ (на почевку). На другой день, накормивши солдатъ, Колпаковскій пошелъ по направленію къ г. Кульдѣжъ. Таранчи выступили русскимъ навстрѣчу съ цѣлю сразиться. Но какъ только они подошли, русскіе открыли огонь изъ большихъ орудій, и таранчи, не будучи въ состояніи держаться, бѣжали вплоть до Цинъ-шуй-хэ.

1) Конный отрядъ.

2) Тутъ была разрушенная мусульманами китайская крѣпость Гунъ-чэнь-чэнь, называемая мусульманами, калмыками и маньчжурами Хоргосъ. Теперь эта крѣпость восстановлена. У ея стѣнъ находится базаръ и живутъ таранчи, а по базару идетъ дорога изъ г. Джаркента въ гг. Суйдивъ и Кульджу. Крѣпость нынѣ называется китайцами по старому — Гунъ-чэнь-чэнь, а по народному — Чэнь-пань-ца.

Русскіе солдаты, придя туда же, остановились лагеремъ (на ночевку). На слѣдующій день русское войско пошло къ г. Суйдину по большой дорогѣ. Таранчи, собравъ своихъ бѣжавшихъ солдатъ, еще разъ попытались остановить русскихъ, но такъ какъ послѣдніе (снова) стали стрѣлять изъ большихъ пушекъ, то таранчи безъ остановокъ бѣжали въ г. Кульджу. И болѣе сраженій не происходило.

Когда русскіе въ тотъ же день пришли въ г. Суйдинъ, то дунгане заперли ворота крѣпости и, взойдя на ея стѣны, начали смотрѣть. Но русскій отрядъ, приблизившись къ стѣнамъ крѣпости, сталъ стрѣлять въ нее изъ крупныхъ орудій, а солдаты храбро взобрались на стѣны и сражаясь заставили дунганъ, находившихся на стѣнахъ, отступить, послѣ чего отворили ворота крѣпости. Тогда Колпаковскій со всѣми солдатами вступилъ въ городъ и усмирилъ его жителей; попусту никого не убивали. И хотя Колпаковскій послѣ этого далъ своимъ солдатамъ два дня отдыха и (праздно) сидѣлъ въ г. Суйдинѣ, но таранчи не приходили сражаться съ русскими. Затѣмъ русскіе пошли по направленію къ г. Кульджѣ. Въ тотъ же день султанъ собралъ всѣхъ большихъ и малыхъ бѣковъ и ахуновъ для рѣшенія вопроса о томъ, какъ быть. Всѣ бѣки и ахуны сказали: «Сражаться (съ русскими) нельзя, а лучше покориться. Русскихъ солдатъ хотя и немного, но они чрезвычайной сильны и несомнѣнно истребятъ насъ, если мы будемъ сражаться».

Султанъ подчинился единогласному рѣшенію всѣхъ. Собравъ большихъ и малыхъ бѣковъ и ахуновъ, вмѣстѣ съ сибирскимъ ухэридой Кармангой, султанъ выѣхалъ изъ Кульджи и, перейдя рѣчку Сахэцзы, сталъ въ сторонѣ отъ дороги на колѣни и (такъ) встрѣтилъ Колпаковскаго. Послѣдній, увидѣвъ сибирскаго ухэриду, обнялъ его, и ухэрида произнесъ слѣдующую рѣчь: «Такъ какъ вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ облака и туманъ скрывали (отъ меня солнце), то я, цзангинъ¹⁾, думалъ, что болѣе уже не увижу неба и солнца. Но вотъ сегодня я увидѣлъ великаго губернатора, и по истинѣ туманъ и облака разсѣялись, и я снова увидѣлъ небесный свѣтъ».

(Говоря такъ), ухэрида расплакался. Тогда Колпаковскій сказалъ: «Не плачьте... Теперь русскіе состоятъ въ дружбѣ съ китайцами, и я пришелъ сюда со своими солдатами, чтобы помочь вашимъ сородичамъ. Отнынѣ большого горя не будетъ».

Колпаковскій, увидя на шанкѣ ухэриды Карманги шарикъ изъ драгоценнаго камня, спросилъ: «Вѣдь по закону маньчжурскіе чиновники не

1) Здѣсь ухэрида называетъ себя цзангиномъ (младшимъ офицеромъ) изъ униженія.

носятъ на шанкѣ шариковъ изъ драгоцѣннаго камня (еримбу). Почему же ухэрида имѣеть такой шарикъ?»

Ухэрида на это отвѣтилъ: «Этотъ шарикъ мнѣ пожаловалъ таранчинскій султанъ». Тогда губернаторъ приказалъ назначать на службу прежнихъ чиновниковъ, бывшихъ при цзянъ-цзюнѣ, отрѣшить отъ должностей всѣхъ чиновниковъ, назначенныхъ султаномъ, и снять пожалованные имъ шарики. Въ то время (дѣйствительно) имѣлись старые чиновники, которые были отрѣшены отъ должностей вслѣдствіе того, что злые люди оклеветали ихъ передъ таранчинскими бэками.

Когда Колпаковскій сдѣлалъ изложенное распоряженіе, то сибинскій ухэрида, возвратившись къ себѣ домой къ югу отъ рѣки, немедленно отрѣшилъ отъ должностей чиновниковъ, поставленныхъ султаномъ, и возстановилъ въ должностяхъ прежнихъ чиновниковъ. Всѣ сибинцы, старые и малые, сильно радовались этому. О послѣдующихъ событіяхъ пока говорить не буду.

Въ тотъ же день¹⁾ Колпаковскій, посадивъ въ свой экипажъ сибинскаго ухэриду Кармангу, отправился въ г. Кульджу. Экипажъ Колпаковскаго охраняли русскіе, при чемъ не подпускали близко къ каретѣ ни таранчинскаго султана, ни бэковъ, отчего таранчи вознегодовали на сибинцевъ, говоря, что «русскіе пришли въ Или ради нихъ».

Съ этого времени Илійскій край перешелъ во владѣніе русскихъ.

О вышеизложенномъ я, авторъ сей книги, слышалъ отъ своего родного дяди, сопровождавшаго въ то время ухэриду въ г. Кульджу.

Старики считали большимъ успѣхомъ то, что китайцы и маньчжуры были побѣждены въ теченіе 2 лѣтъ. Таранчи и дунгане, завладѣвъ Или, собрали въ г. Кульджѣ ружья, пушки и военное снаряженіе, находившееся въ разныхъ городахъ. А когда черезъ шесть лѣтъ пришли русскіе, то они, сражаясь къ югу и къ сѣверу отъ рѣки Или, въ какой-нибудь мѣсяцъ завладѣли Илійскимъ краемъ. Когда подумаешь объ этомъ, то дѣйствительно справедливо говорятъ, что если таранчи и легко завладѣли Илійскимъ краемъ, то потеряли его еще легче.

Въ 7-й лунѣ Колпаковскій далъ денегъ сибинцамъ и приказалъ построить большой ламайскій храмъ къ сѣверу отъ рѣки, что они и сдѣлали.

Потомъ въ 10-й лунѣ уѣздный («уяс») начальникъ произвелъ перепись всѣмъ сибинцамъ. А такъ какъ сибинцы изстари не несли денежныхъ повинностей, то они безъ утайки написали число своихъ людей и сообщили

1) То-есть въ тотъ день, въ который султанъ, бэки, ахуны и сибинскій ухэрида Карманга встрѣчали генерала Колпаковского около г. Кульджи.

(русскому начальству). Вслѣдъ за тѣмъ русскіе обложили каждаго сибинца, большого и малаго, податью въ 2 монеты серебромъ (40 копѣекъ)¹⁾. Всѣ сибинцы весьма испугались, потому что они, будучи, подобно не имѣющимъ хозяевъ собакамъ, притѣсняемы таранчами, дошли до крайней степени бѣдности. Далѣе, когда русскіе вошли въ Или, то таранчи и сибинцы не довѣряли другъ другу и (сибинцы) не могли ходить на заработки и находились въ тяжеломъ положеніи. Послѣ прихода русскихъ въ Или, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, русскія деньги еще не распространились повсюду; откуда же поэтому сибинцы могли достать русское серебро? Если привести примѣръ, то вѣдь по истинѣ трудно извлечь сокъ изъ засохшаго во время засухи дерева — хотя бы оно (затѣмъ) и получило (влагу въ видѣ) дождя или росы, — до тѣхъ поръ пока не выростутъ вѣтви и листья.

Когда сибинскіе чиновники, собирая съ бѣдныхъ сибинцевъ подать серебромъ, стали ихъ сильно прижимать, то было много случаевъ, когда сибинцы, бросивъ своихъ женъ и дѣтей, бѣжали изъ своихъ домовъ. Да и всѣ вообще сибинцы въ то время находились въ затруднительномъ положеніи изъ-за платежа подати.

На слѣдующій годъ послѣ прихода русскихъ въ Илійскій край въ немъ былъ сильный голодъ, такъ что сибинцы и таранчи, изъ-за недостатка съѣстныхъ припасовъ, питались кореньями, выкапывая (ихъ изъ земли). Но потомъ сибинцы мало-по-малу оправились и (болѣе) не тяготились внесеніемъ подати.

Солоны въ теченіе 3-хъ лѣтъ со времени прихода русскихъ въ Или не были обложены податью.

* * *

О всѣхъ событіяхъ, изложенныхъ выше, начиная съ 3 года Тунъ-чжи, т. е. со времени возстанія въ Или, и доходя до 10-го года Тунъ-чжи, т. е. до времени прихода русскихъ въ этотъ край, я слышалъ отъ стариковъ - очевидцевъ и по памяти написалъ эту книгу, въ которой нѣтъ лжи. А почему? Коль скоро я не могъ тщательно написать всю правду, то откуда у меня могъ взяться досугъ для сообщенія лживыхъ свѣдѣній? А такъ какъ изложенныя событія протекли передъ моими глазами, то если

1) По словамъ Н. Н. Пантусова («Свѣдѣнія о Кузьджинскомъ районѣ за 1871—1877 г.», Казань, 1881), сибо были обложены податью въ 3 рубля съ семьи. Всего сибинцевъ насчитывалось въ 1877 г. 18,321 душа (9305 мужчинъ и 9016 женщинъ). Ва. К.

не думать о нихъ, то лучше. А какъ только подумаешь, сердце немедленно наполняется скорбью.

Въ этой книжкѣ содержится очень много печали и несчастія; горестнымъ воспоминаніямъ нѣтъ и конца ¹⁾.

1) Уже послѣ того какъ настоящая статья была набрана, мнѣ изъ бесѣды съ нашимъ консуломъ въ Урумчи Н. Н. Кротковымъ удалось вылсвить нѣкоторыя дополнительныя подробности о происхожденіи «Воспоминаній» сибинца. Оказывается, что еще до прибытія г. Дьякова въ Кульджу этотъ сибинецъ написалъ свои воспоминанія для Н. Н. Кроткова по его просьбѣ, такъ что настоящая статья представляетъ собою переводъ позднѣйшей редакціи этихъ воспоминаній. Любезно произведенное Н. Н. Кротковымъ сличеніе этого перевода съ имѣющимся у него маньчжурскимъ текстомъ показало, что сибинецъ допустилъ значительныя отступленія отъ своего первоначальнаго разсказа. Съ одной стороны, имъ опущены многія характерныя подробности объ описываемыхъ имъ событіяхъ, а съ другой, сдѣланы нѣкоторыя дополненія, при чемъ заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что дополненія эти касаются, между прочимъ, и такихъ цифровыхъ данныхъ, датъ и т. п., о которыхъ сибинецъ равнѣ откровенно заявлялъ, что ихъ не помнитъ. Н. Н. Кротковъ предполагаетъ использовать въ ближайшемъ будущемъ первоначальный текстъ разсказа сибинца, а равно другіе собранные имъ за время пребыванія въ Кульджѣ матеріалы для освѣщенія новѣйшей исторіи Илійскаго края. Вл. К.
